

Мамá

Как радостно прошёл завтрак! ... А мне, после месячного отсутствия, нужно было поговорить со всеми: и с Мими, и с Соней, которая собиралась уезжать на зиму к сестре за границу¹, и, наконец, с Мамá, драгоценным моим другом, незаменимым и единственным.

После завтрака,.. я, наконец, пошла к Мамá по колоннаде в большой дом. Хозяйственным глазом вижу, сколько нужно сделать распоряжений. Двойные рамы не все вставлены, входные двери надо вновь приказать обить сукном, Мамá следует перевести поскорее из большого дома к нам... Камин в гостиной и столовой плохо тянут.

А усталость после бессонной ночи дает себя знать.

Иду к Мамá. Разговаривать ли я буду с ней? Скорее я буду мыслить вслух, – только так и можно беседовать с такой матерью, как моя Мамá. Прежде всего, я благодарю её за все её хлопоты в наше отсутствие. Уже на маленьком Серёже² вижу её благотворное влияние: её одно прикосновение улучшает детей. Кротость, нечеловеческое терпение, море неиссякаемой доброты – вот она вся. Но вместе с тем Мамá и энциклопедия семьи. Если кто-либо спрашивал: как это слово написать, как это перевести, или когда это было, то слышался всегда неизменный ответ: «Пойдите, спросите у бабушки». Всё, кроме цифр, было, кажется, ей знакомо.

Инстинкт орфографии у неё был исключительный, и она никогда не сомневалась, как написать слово на пяти известных ей языках. Дети писали французские диктовки не со своей гувернанткой, а с бабушкой, которая с особым талантом прививала им знание этой труднейшей орфографии. Саша³ в двенадцать лет постиг всю эту премудрость и почти не делал ошибок, так как: «la clef de la grammaire – les verbes»⁴ – постиг с бабушкой в совершенстве. Она никогда не могла забыть, как восьмилетней девочкой в доме у своего деда, у которого воспитывалась, она проливали горькие слёзы над грамматикой «Noel et Chapsal»⁵, – её требовалось знать, но никто не удосужился её объяснить. Та жизнь и те методы преподавания канули в вечность, но бабушка до старости помнила их суровость и старалась все трудности правописания облегчить внукам своими объяснениями каждой строки, памятуя, как она сама над ними мучилась.

Будучи абсолютно: «не от мира сего», в смысле знания практической жизни, Мамá по

«Мамá», «Прасковья Васильевна»: Ольга Александровна Калиновская (ур. Леонтович). 1861 г.

¹ «Соня» княжна Александра Николаевна Лобанова-Ростовская. К сестре за границу – к Ольге Николаевне Эджер-тон, ур. княжне Лобановой-Ростовской.

² Серёжа – князь Яков Иванович Лобанов-Ростовский (1900 – после 1952).

³ «Саша» князь Николай Иванович Лобанов-Ростовский (1891–1969). До октябрьского переворота занимал высокую дипломатическую должность.

⁴ Ключ к грамматике – глаголы (фр.) [прим. автора].

⁵ François Noël (1756–1841) и Charles-Pierre Chapsal (1787–1858) – авторы одной из самых ходовых учебников грамматики французского языка (Nouvelle grammaire française) в России на протяжении XIX – начале XX вв. Бесспорно, он устарел к тому времени, о котором говорится.

*Прабабушка Ольги Александровны:
Мария Ивановна де Траверсе, ур. де Руифф*

*Прадед Ольги Александровны:
маркиз Иван Иванович де Траверсе, адмирал*

природе была тончайшим психологом, и инстинкт постижения людей у неё был почти совершенный. Встретившись с человеком, она безошибочно говорила: «Вот это хороший человек», или: «не доберу в нём толку, воля ваша, но человек этот не по мне». Это значило, что человек плох. Так всегда при проверке и выходило. Её личная горничная неизменно была всегда лучшим и преданнейшим существом в доме. Живали они по 15–20 лет и уходили лишь при стихийных переломах своей жизни (монастырь или замужество), но никогда не переходили на другое место.

Память у Мамá была чудная: для детей она всегда имела что-нибудь рассказать интересное и полезное, а для взрослых это была хроника девятнадцатого века, но освещённая её внутренним огнём и лучшими чувствами шестидесятих годов.

Мамá вся была окружена старинными вещами. Каждая её миниатюра была животрепещущая повесть. Тут же у неё в шкапу можно было увидеть и французские книги из Королевской библиотеки, в характерных переплётах из натуральной кожи с флёрделис¹ на первых двух внутренних сторонах начала и конца книги. Это были трактаты о морском деле с заметками на полях её прадеда², который при отправке его к Екатерине II получил их лично от самого Людовика XVI.

А вот интереснейшая коллекция изделий жителей острова Таити и других отдалённых островов Тихого океана, для некоторых из коих в 1827 году был ещё каменный век. Отец моей матери³, по желанию своего деда, русского морского министра и француза родом, воспитывался с 12 лет на корабле, где руководителем и воспитателем его был адмирал *Станюкович – отец известного писателя морских рассказов. Адмирал Станюкович и адмирал *Лазарев⁴ привили деду ту бесконечную любовь к морю, которую он сохранил до самой своей смерти.

¹ Гербовая фигура. Королевская лилия [прим. автора].

² Маркиз Жан Батист Прево де Сансак де Траверсе (в России стал именоваться «Иван Иванович де Траверсе»).

³ Офицер Российского Императорского флота Александр Константинович Леонтович.

⁴ Михаил Николаевич Станюкович (1786–1870) – адмирал, командир Севастопольского порта, военный губернатор Севастополя. Михаил Петрович Лазарев (1788–1851) – адмирал, исследователь Антарктиды. Под его руководством Севастополь превратился в сильную морскую крепость.

*Старший внук Ольги Александровны «Саша»:
князь Николай Иванович Лобанов-Ростовский.
1897 г.*

*Дед Ольги Александровны
«князь Рокотов»:
князь Иван Алексеевич Кропоткин*

В 1826 году дед вышел из Кронштадта с четвёртой научной экспедицией, возглавляемой *Ф.П. Литке, под командованием адмирала *Сенявина, в кругосветное плавание¹. Оттуда дед мой привёз, кроме научных коллекций и интереснейших диковинных вещей, ещё несколько лично написанных им акварелей, которые украшали стены комнаты моей матери.

В то время, то есть, когда Саша поступил в Лицей, можно было много слышать о старине в нашей семье. Моя бабушка, мать моей матери², была ещё жива. Ей было 90 лет, и мне помнится её рассказ, начинающийся с такой фразы: «Гуляю я по набережной и вижу – навстречу мне идет Александр Сергеевич (Пушкин)». Или, например: «Покойный папенька слышит – Матушка Царица (Екатерина II), и говорит князю Репнину...», – даже меня, привыкшую к таким рассказам, частенько брало недоумение – да я ли это слышу в начале XX века?

После Маши у Мамá была горничная Аннушка, степенная, умная, внушительная видом, немолодая девушка, напоминающая начётчицу³. Она была сама честность и все проникались сразу полным доверием к ней. Никто больше неё не мог подойти к духу этих комнат. Моя Маша, в тайниках сердца своего, всё же слегка ревновала Аннушку к Мамá.

Вот в этот мир большого дома я и вступила. В комнате у Аннушки горела лампада, было уютно и пахло очень вкусно. Она только что перед этим испекла для Мамá заветные коржики с отрубями на сметане и стала угощать меня ими.

¹ В состав экспедиции 1826–1829 гг. – кругосветного путешествия для научных исследований на побережье Берингова моря, азиатском и американском материках, а также для исследований в центральной части Тихого океана, было снаряжено два военных корабля: шлюп «Моллер» (назван в честь адмирала А.В. фон Моллера (1754– 1848) под командованием М.Н. Станюковича и шлюп «Сенявин» под командованием Ф.П. Литке (шлюп «Сенявин» назван в честь героя адмирала Д.Н. Сенявина). «Под командованием Сенявина» – абберрация памяти: надо – «на корабле «Сенявин» под командованием Ф.П. Литке».

Граф Федор Петрович Литке (1797–1882) географ, исследователь Арктики, генерал-адъютант, адмирал, президент Академии Наук в 1864–1882 гг. Результаты экспедиции были высоко оценены как современниками, так и в настоящее время.

Дмитрий Николаевич Сенявин (1763–1831) – адмирал, после 1825 года командовавший Балтийским флотом. Открытую Фёдором Литке цепь коралловых островов он также назвал «островами Сенявина».

² *Ольга Ивановна Леонтович, ур. Кропоткина (ок. 1813 – ок.1908).*

³ *Начётчик – в старообрядчестве: человек, начитанный в богословских книгах, знаток старопечатной религиозной литературы.*

От неё я прошла к Mamá. Просидела у неё часа два, рассказывая обо всём виденном и слышанном. Лучше сказать, – пережила с ней вновь весь сентябрь месяц, но в отношении моей личной жизни...

Подготовка Кирилла в реальное училище

Итак, я приступила к подготовке Кирилла¹ по естественной истории и арифметике, проверив предварительно его знания по остальным предметам. Подойдя ближе к этому вопросу, я была поражена удивительной скромностью моего мальчика: ему исполнилось 10 лет в апреле и, для своего возраста, он превосходно писал по-русски, по-французски и по-немецки, имел много сведений по истории в виде отдельных рассказов и хорошо знаком был с географией, даже хотя бы и из личного опыта. О Законе Божиим я не упоминаю, так как этот предмет был поставлен всегда выше требований и дополнялся ещё и сверх курсовыми сведениями. Но - о, ужас! На арифметику никто не обратил должного внимания! Хотя моя дорогая Mamá усиленно меня предупреждала об этом, абсолютно от неё всегда отказываясь, говоря – *ce n'est pas mon fort*², – но обстоятельства жизни отвлекали моё внимание от занятий детей, которые так умело вела и так им беззаветно и всецело отдавалась сама бабушка. Что тут делать?

– Кирилл, мой мальчик, да ведь ты ничего не знаешь! Ведь ты в две недели не пройдёшь именованных чисел³, когда ты простого умножения и деления не знаешь, да и нумерация у тебя путается в голове.

– Ничего, Mamá, я всё это могу понять; ты только занимайся со мной каждый день и объясняй мне всё с самого начала. Я потому ничего не знаю по арифметике, что и сама бабушка не знает, но всё остальное она очень хорошо знает, и мне показала, как надо вообще учиться. Мне так не хочется поступать в первый класс – мне там нечего будет делать...

Задумалась я над этим: меня удивил ответ мальчика, сразу же моему внутреннему взору представилась и психология этого маленького человека. Ребёнок вырос без наказаний, в обстановке ласки и чистоты. Это создало в нём простосердечную доверчивость с наивным непониманием производимого им впечатления. К тому же природа одарила его тем, что он ещё не сознавал – умом, волею и весёлым нравом, а постоянное общение с высококультурной, но чрезвычайно скромной личностью, какова была моя мать, дало ему развитие не по годам, а соответственно очень большим способностям; природная же застенчивость заставила всё это добросовестно скрывать.

Ну, как же быть?.. Уже много лет, как среди учебных книг у нас находилось два задачника для народных училищ, привезённых ещё студентом Иваном Сидоровичем⁴. Особенность их заключалась в том, что все задачи были разбиты на группы. Так, были группы задач на трубы и на бассейны, на товарищеский делёж денег, на встречи поездов, на смешение сортов чая и так далее. Задачи все были устные, причём в одной книге все операции не шли выше двух десятков, а в другой – не выше первой сотни.

Моя Mamá первую книгу прошла сама с Иваном Сидоровичем, чтобы быть в состоянии заниматься по ней с маленькими детьми и научить их устному счислению. Пройдя её очень быстро с Кириллом, она приступила, по его просьбе, и ко второй книжке, но тут уж он подсказывал бабушке и доходил до решения задач сам, предполагая верно, что это *partie de plaisir*⁵, вроде разгадывания ребусов! Кто решит поскорее, а кто и повернее! Тут-то бабушка и просила меня обратить внимание на арифметику Кирилла, а я и не удосужилась.

¹ «Кирилл» князь Дмитрий Иванович Лобанов-Ростовский (1907–1948). Крестник Великой княгини Елизаветы Фёдоровны. После прихода советской власти в Болгарию был репрессирован и расстрелян.

² Я далеко в этом не сильна (*фр.*) [*прим. автора*].

³ *Именованные числа* обозначают конкретную величину («три килограмма», «сто метров») в отличие от отвлечённых чисел.

⁴ «Иван Сидорович» учитель детей Лобановых-Ростовских.

⁵ Весёлая игра (*фр.*)

Аттестат зрелости «Кирилла»: князя Дмитрия Ивановича Лобанова-Ростовского. Частная русская гимназия, София, 1924 г.

Кирилл – лучший ученик

Тем временем Кириллу выдали отметки за первое полугодие, и мы узнали, что он был лучшим учеником в классе. По арифметике и естественной истории, как и по большинству других предметов, у него было по 5. Репутация бабушки, с самого начала блестяще утвердившаяся среди преподавателей, засияла к Рождеству полным блеском...

Беженский вагон

Вскоре перед нашим вагоном показалась группа прогуливающих и, по-видимому, любопытствующих беженцев. Они попросили разрешения посидеть у нас. Отказать им мы не решились. Вошли молодой парень и две женщины средних лет, видно, из городских жителей Волынской губернии; сели на доску и стали просто нас рассматривать.

– Ишь, вещей-то сколько! Всем домом, знать, едете?

– Как же, милые, и кровати, и скамьи, и всю кухню, и корыто, и ложки и ложки – всё с собой прибрали, – поспешила я ответить парню, чтобы успокоить его.

– Небось, из портних будете, сейчас по чистоте видно, да и машина при Вас, – проговорил парень, указывая на машинный станок.

– Да, при господах за границей живала и научилась шитью.

– Quand partiront-ils, ces gens là? ¹ – к нашему ужасу спросила сильно уставшая бабушка.

¹ Когда уйдут эти люди? (фр.) [прим. автора].

*«Матá» или «Прасковья Васильевна»:
Ольга Александровна Калиновская,
ур. Леонтович, с дочерью Ольгой. 1873 г.*

*Внуки «Прасковьи Васильевны»,
князя Лобановы-Ростовские: Борис,
«Саша» Николай и «Ксения» Ольга. 1897 г.*

– Что же, не русская бабушка-то?

– Да, покойный папаша немку взял, когда жил в Петербурге, – поспешила я ответить.

Ксения¹ тем временем стала тихо что-то шептать и разъяснять бабушке, а затем также поспешно, незаметно соскользнула с вагона.

«Что за попытка! Но Ксения поможет», – пронеслось в моей голове. Наши гости продолжали расспросы в том же духе, но, к счастью, минуты через три показался один из кондукторов (видно, Ксения не напрасно вышла) и сказал:

– Через полчаса мы отходим, комендант поезда просит всех по своим местам.

Вскоре наш вагон прицепили к поезду. Затем послышался первый звонок. Тогда парень и женщины с поспешностью и беспокойством вышли, а я стала объяснять дорогой Матá, что при посторонних не следует говорить на иностранном языке, потому что мы беженцы и, надо предполагать, простые люди, так что не можем знать других языков и должны держать себя в этом тоне.

– Уж вы простите меня, мне так трудно всё это помнить, а с большевиками я не имела дела и никогда с ними не разговаривала – вот и забываю, что можно, а чего нельзя говорить.

Бабушке кончался восьмой десяток, надо было удивляться ещё её сравнительной памяти, изумительному терпению и выносливости...

Пока дети возились с кроватью, я растягивала ремни у портпледов с детскими постелями. Простыни не стала доставать – при этом невыразимом холоде раздеваться было невыносимо. Можно было, самое большее, расстегнуть под пальто костюм или платье. Бабушка с величайшим сокрушением смотрела на работу детей.

– Как мне тяжело, дети, что я вам причиняю столько беспокойств. Стара я стала и слаба, да и вижу что-то не так хорошо, как раньше. Не мне бы пускаться в такую дорогу и осложнять вашу жизнь! Как мне бесконечно больно, что я не могу больше ни в чём быть вам полезной.

– А кто знает, Матá, может быть, Господь нас милует из-за тебя. Великое счастье – иметь мать в доме! Это Божие благословение! Ведь твоя молитва со дна моря нас вызволяет.

– Так-то оно так, а всё же, как я ни молилась за Рарá², чтобы он был с нами – не угодна, видно, Господу была моя молитва, – с печалью добавила бабушка...

¹ «Ксения» княжна Ольга Ивановна Лобанова-Ростовская (1892–?)

² «Рарá», «Костя», «князь Захарин» князь Иван Николаевич Лобанов-Ростовский (1866–1947).

При помощи людей барона¹ были перенесены нужные вещи: постели, портпледы и провизия, которую можно было поставить в чистый холодный проход, где выходная дверь была заперта наглухо, и потому насельники вагона устроили себе там кладовую. Дети незаметно, один за другим, как бы играя, перешли на новое место, а бабушку, закутав в плед, перенесли как больную на руках. Итак, условия нашего путешествия несравненно улучшились. От тепла моя дорогая Мамá сразу ожила и повеселела, а детям, как и мне, казалось, что мы попали в рай...

К следующему дню я обещала сварить кофе, запасливо взятый нами в довольно большом количестве. Бабушка называла его «благородным напитком», чай же не любила и никогда не пила... Мы с радостью помышляли о том, какое мы доставим удовольствие дорогой нашей старушке...

Сверху наших диванов расположены были два этажа полатей, чего не было в других отделениях... Мы с Мамá спали в халатах, чтобы встретить всякую беду, не разыскивая одежды...

Пока я хлопотала с обедом, барон пришёл проведать Мамá и, разговаривая с ней, просидел у неё до полудня. Это была очаровательная картина; её заметил даже Вася² настолько, что не хотел и входить в отделение, чтобы её не нарушить. Представьте себе убогий беженский вагон и сидящих на скамье старика и старушку. Оба тонкие и породистые, он – в чёрной дорожной шёлковой шапочке, она – в чёрном кружевном чепчике, оба, точно сошедшие с картины середины XIX века и разговаривающие возвышенным стилем на превосходнейшем и изысканнейшем французском языке.

Сережа, Кирилл и Ксения чутко понимали всю прелесть этого и старались также не нарушить её...

Сколько радости доставил мой подробный рассказ обо всём виденном и слышанном! Мамá чувствовала себя хорошо – от тепла кашель её значительно уменьшился. Дети мне передавали, как опять днём барон и бабушка долго сидели и разговаривали на своём дивном французском языке округлёнными фразами, которые лились одна за другой и походили на журчание тихого ручейка.

– Знаешь, Мамá, – сказала мне Ксения, – они такие оба души, что помешать им страшно; даже Вася – и тот оставлял их в покое. Это чистейший стиль Воилеау!³ И о чём только они не вспоминали, о какой старине не говорили!..

– Как мне это жаль, – печальным голосом сказала Мамá, – мы оба так немолоды и, конечно, едва ли когда-нибудь опять встретимся, разве только, если Богу угодно, то на небе. А я за это время так привыкла каждый день с ним видеться... Мы одного времени, понимаем друг друга, и я научилась ценить его высокие качества...

После этих слов бабушки мы все притихли, вспоминая, каждый про себя, какое значение имел барон в нашем отъезде, как мы все должны быть ему благодарны за его неизменно искреннее и рыцарски верное отношение к нам...

Мы стояли на запасных путях довольно далеко от вокзала. Как только рассвело, беженцы высыпали на воздух и, благо значительно потеплело, выскочила и вся почти детвора. Появились костры, и пошла обычная жизнь. Мирон ходил за провизией и забрал её в двойном размере, памятуя, что на следующий день, 25 октября, предполагались повсюду празднества по случаю первой годовщины большевистской власти... Я опять варила кофе, опять хлопотала об обеде. Бабушка или занималась с Васей, или полужёла читала английскую книгу. Мы поражались, с каким стоическим терпением она переносила вагонную жизнь, тяжкие условия которой могли подействовать и на более молодого человека...

На таможене

Правда, Рара и бабушка по внешности очень недемократичны, но, тем не менее, они своим видом кого угодно могут обезоружить. Особенно очаровательна была бабушка, когда сначала пресерьёзно сказала мне:

¹ «Барон фон Траубниц» нерасшифрованное лицо романа; помогал Лобановым-Ростовским осуществить побег из г. Ефремова, близ которого было их имение Лобаново (Александровское), на юг России.

² «Вася» князь Иван Иванович Лобанов-Ростовский (1911–1932).

³ Буало – классический французский [прим. автора]. – Николя Буало-Депрео (1636–1711), французский поэт, теоретик классицизма.

– Вот ключи, открой и покажи им всё, Серёжа, – а затем, обратившись к агентам, добавила: – А вас прошу, господа, моих чепчиков не помнить!

– Ничего, бабушка, не беспокойтесь, всё будет в исправности, – улыбнувшись, ответил старший таможенник...

Поезд остановился

Мёрзлую траву мы выложили внутри тюфяками по два, по три, один на другом. Но и это ложе казалось и ледяным, и очень тесным; следовало лечь близко друг к другу: и ради недостатка места, и ради взаимного согревания. Сначала мы хотели уложить бабушку и детей, но от голода они не могли спать. Тогда я вынула из шерсти половину картофеля и положила его в золу ближнего костра. Каждому из детей досталось по два, и это хоть немного уменьшило неприятное чувство пустого желудка, особенно усиливающееся при морозе.

Бабушку мы еле уговорили скушать маленькую картофелину, а Костя и от этого наотрез отказался. Наконец, и бабушка, и младшие дети легли. Мы их укрыли, чем могли: все одеяла и платки пошли в ход, но ветер бушевал с такой силой, что врвался и в наше заграждение...

– Неужели ты думаешь, моя душка, что я могу спать? – послышался вдруг голос бабушки. – Я стараюсь только доставить собой как можно меньше хлопот, но всё же ногам что-то холодно, и я боюсь простудиться – тогда вам будет со мною труднее, вот что меня страшит.

Я подложила руку и – о, ужас! – почувствовала лишь ледяную траву! Ложась в темноте, никто и не заметил, как матрацы сбились в одну сторону, противоположную бабушке. Я помогла ей встать, поправила и наладила всё, что было нужно, вынула ещё подушку, положила её под бок Мамá и укрыла её двумя одеялами. Все вещи были ледяными; порывы ветра вырывали их из моих рук, которых я уже совсем не чувствовала. Бегая в «чека» за вещами, я потеряла последнюю пару перчаток... Кроме холода, меня донимали и усталость, и нервное изнеможение...

Прошло более суток, и большей частью на лютом морозе... Костёр освещал всё затишье, но был слишком далёк, чтобы давать ему тепло. Вася взял картофель в свои маленькие ручки и стал кушать с увлечением. Мамá зашевелилась. Я нагнулась над нею.

– Я немного заснула, Наташа, а ты всё не спишь? Ах, как мне тяжело за тебя, душка моя!

– Ничего, Мамá, дай Бог только дожить до утра и быть вне..., – и я остановилась, чуть, было, не сказав невольно: «вне опасности», но, поправившись, закончила, – вне их досягаемости!

– Ах, Наташа, я ведь всё понимаю: и как тебе тяжело обо всём и о всех хлопотать, и как тебе трудно всё предвидеть, где нужно прибавить, а где умолчать...

Не дать волю чувствам!

Я нагнулась и поцеловала дорогую Мамá. Мне казалось, что я прикоснулась ко льду. Боже, какой ужас держать старушку на таком морозе! Мне хотелось высказать ей всю мою бесконечную любовь и жалость, но я чувствовала, что, дай я хоть малейшую волю моему чувству, я уже больше не в состоянии буду удерживаться и разрыдаюсь от вида слабеющей матери и от собственного физического и нервного переутомления. Я еле прикоснулась к Мамá, и поцелуй мой был не так горяч, как моё чувство. Вася лёг, я его укрыла, опять отошла и села у костра...

Покинули поезд. Едем на возу. «Дети, мы спасены...»

Вскоре мужички благодушно и невозмутимо объявили нам, что все страхи наши кончены, что опасности уже нет, а с бугра видно будет и Коренево. Но мы всё ещё не смели верить нашему счастью и, подвигаясь вперёд, молчали и недоверчиво оглядывались. Наконец доехали по некрутому изволоку до бугра и ахнули от изумления: ниже нас, немного налево, как на ладони, живописно раскинулось большое село Коренево, похожее скорее на местечко. Купол его храма ласкал и умилял наши взоры.

– Дети, мы спасены, благодарите Бога!..

– Знаю, знаю, какая милость Божия! – с сиянием счастья в глазах, только увидев нас, уже сказал нам Костя.

Глаза дорогой Мамá были полны слёз и так красноречивы!

– Благодарю Господа, Он дал тебе дело твоё довести до конца, – сказала она мне, и вся её безграничная любовь матери вылилась в этих словах.

Меня так вдруг потянуло прильнуть к ней, но она сидела высоко на возу, а жизнь требовала моей немедленной деятельности...

Продолжаем путь на юг России. Вновь в теплушке

С превеликим трудом нашли мы нашу теплушку – её опять перевели на другие, ещё более отдалённые, запасные пути. Теперь она находилась близ водокачки, окружённая буквально озером воды. Мы с жутким чувством вошли в своё помещение. Боже, как ужасно серо и сыро, как убого и неуютно после комфорта хорошей, светлой и тёплой квартиры! У меня сжалось сердце, глядя на Мамá, которую немислимо было даже вывести из вагона через рельсы и через всю эту грязь... Когда все расположились по своим местам и дети уже стали засыпать, я присела к Мамá и стала тихо рассказывать ей про всё, что видела и слышала. Это составляло единственное её развлечение. Мамá слушала меня с большим вниманием, и видно было, насколько её лицо повеселело от моего подъёма энергии и надежды.

– Как я счастлива, моя душка, что ты приятно провела время и хоть небольшую имела передышку от возни с нами!

По голосу её было слышно, что она считала ни за что всё, что сама выносила и только думала о том, чтобы я хоть чем-нибудь была утешена. Святое слово – мать! Она всем сама жертвует, всё понимает и всё покрывает своей любовью!

Прощаясь на ночь с Мамá, я поцеловала, как всегда, её руку, но слегка и сдержанно, испугавшись того наплыва неудержимой жалости к ней и невыразимой печали перед неминуемо надвигающейся с ней разлукой, при мысли о которой я всегда еле сдерживала слёзы...

День рождения Мамá

Прошла ещё ночь и наступило 5 ноября старого стиля, день рождения моей дорогой Мамá, которой исполнилось 79 лет, но в невесёлой обстановке пришлось её поздравить с восьмидесятым годом жизни. Ещё накануне мы купили её любимые лакомства. Дети – по плитке шоколада, а старшие – фиников и винных ягод¹. К 5 часам мы рассчитывали сварить шоколад и купить сдобного хлеба, что она тоже очень любила.

Поздравляя Мамá, мы всё же очень страдали за неё, но она всячески старалась нас успокоить.

– Что вы печалитесь, мои дорогие? У меня особенный день рождения. Каждое десятилетие отмечается в жизни человека. Мне вот пошёл сегодня восьмидесятый год, а разве это не отменный день? Все мы спаслись, Рара с нами, никто из нас не болен, несмотря на невероятные условия существования. К тому же нас ждёт и большая радость: не сегодня, так завтра мы должны будем перейти в вагон, который повезёт нас к последнему этапу нашего пути. Я так спокойна и так уверена в милости Божией к нам! А мучаемся мы от неудобств вагонной жизни все в одинаковой мере, но это всё ни-

Внучка «Ксения»: княжна Ольга Ивановна Лобанова-Ростовская. 1897 г.

¹ Инжир называют «винной ягодой» по латинскому наименованию *Ficus carica* (Смоковница карийская, от Кария, горная местность). *Ficus* – растение семейства тутовых, отсюда еще одно название инжира: *фига*. «Винной» ягоду называют потому, что у инжира очень быстро начинается процесс брожения.

что в сравнении с ужасами жизни в Совдепии, – уверяла нас бабушка, ласково улыбаясь всем нам своими лучистыми глазами.

Тем временем мы с Ксенией спешно заканчивали утреннее хозяйство, чтобы отправиться в город за обещанной бумагой. Мы оставили Серёжу доваривать обед, а мальчиков на попечении отца, который сел у ворот, где было посветлее, и занялся газетами, читая вслух и бабушке, что было поинтересней...

Наш поезд простоял весь день 6 ноября на месте, отъехав всего только около 200 вёрст от Киева. Мы хозяйничали, варили обед, пили, ели, а главное, томились.

Прибывшие поезда были перегружены разнузданными военнопленными, которые вливались в Россию из австрийских концентрационных лагерей, откуда тогда ехали и бежали, кто куда хотел. Затем эти несчастные попадали кто в армию к большевикам, кто к Петлюре, кто к добровольцам, большинство же – домой, на родину... Ехали в вагонах, между вагонами и на вагонах... Картина была ужасная! Это было не возвращающееся домой войско, а полуозверелая, обезумевшая от голода, лишений, плена и новых свобод толпа – большая духом и телом.

На запасных путях станции стоял пустой вагон, куда складывали убитых, умерших и замёрзших людей. Нам казалось, что вокруг нас сгущаются зловещие тучи. К счастью, под вечер мы опять двинулись в путь...

В Одессе. Вновь разборка вещей. Болезнь Матá

Мы принялись вновь за разборку вещей, которые пришлось во время петлюровского плена опять кое-как побросать в сундуки, а последние с невероятным трудностями и при общей подмоге детей втянуть через залу в тёмное колено коридора, почти совершенно незаметное при малом знакомстве с домом. С водворением вещей в большую гостиную опять всё вошло более или менее в норму.

Между тем, Матá стала сильнее кашлять и, наконец, дыхание её всё более и более затруднялось. Мы вызвали немедленно же лучшего доктора. Он определил эмфизему лёгких. Мне было невыразимо тяжело сознавать, что эту болезнь надо было считать первым предупреждением приближающегося конца. Сама Матá всё отлично сознавала, но, тем не менее, это её совсем не печалило, и она так светло и ясно говорила о своём грядущем уходе, который, однако, по мнению доктора, мог оттянуться ещё на несколько лет.

Моя мать пролежала около недели – всё было испробовано: банки, сердечные средства, молоко с эмсом¹ и лёгкая пища. Из архиерейского подворья мы пригласили на второй день болезни Матá иеромонаха со Святыми Дарами. Больная радостно исповедовалась и приобщилась у смиренного и доброго инокa, который пришёл к ней очень по сердцу...

«Еже согреших»: важный разговор с внуками в комнате бабушки

...Саша сразу не лёг, а пришёл часам к восьми наверх, в комнату бабушки, которая нежно любила и гордилась своими двумя лучшими учениками – им и Кириллом. И тут возобновилась прерванная беседа наша с Сашей. Пришли и Ксения с Серёжей. Вася примостился у меня на коленях, Кирилл уселся рядом.

– Всё же, Матá, тебе непременно надо поскорее съездить в Аккерман, положение здесь ненадёжное, рано или поздно, а большевики захватят всю Россию, и Одессу в том числе, и не на месяц или на два, а на довольно ощутительный срок, который будет исчисляться годами...

– Я видела в Киеве, Саша, князя *Петра Ивановича Шаховского², он тоже все свои надежды

¹ Эмс (Ems) – популярная в дореволюционной России минеральная вода по названию курорта в г. Эмс (Bad Ems) в Германии, где русские пациенты были завсегдатаями, в частности, Ф.М. Достоевский. Метод лечения состоял в употреблении воды из двух природных минеральных источников, которую комбинировали с молоком в различных пропорциях.

² Князь Петр Иванович Шаховской (1848-1919). Уйдя в отставку в чине капитана 1 ранга, поселился в своем имении Тульской губ. Избирался гласным Ефремовского уездного и Тульского губернского земских собраний, почетным мировым судьей по Ефремовскому уезду. Состоял членом правления Санкт-Петербургского общества портовых зерноподъемников и складов. Был выборщиком в I и II Государственные думы. Член III Государственной Думы от Тульской губ. Входил в русскую национальную фракцию. Состоял товарищем председателя, затем председателем комиссии по гос. обороне.

Князь Петр Иванович Шаховской

*«Саша»: князь Николай Иванович
Лобанов-Ростовский. 1914*

возлагает на решение Антанты на Ясском совещании, а ведь он умный человек и дальновидный. Антанте, как победительнице в мировой войне, не позволит самолюбие и гордость отступить перед беспорядочной ордой большевиков. К тому же старец мне сказал: «Мы увидимся с тобою летом»!

– Я старца не видел и не могу быть настроен, как ты, Мамá. Я рассуждаю, опираясь на иные данные. Но и с твоей точки зрения, прости, ты не права. Почему ты думаешь, что лето 1919 года именно то, о котором говорил старец? И почему ты в точности, в таком случае, не исполнила его слов и его совета, и 24 ноября не находилась уже с Рара и всей семьёй в Бессарабии?

Вспомни мои слова, Мамá, в мае 1912 года, когда я провожал вас за границу – ведь они осуществились. Но несть пророка в своём отечестве. Теперь опять говорю тебе о том, что я чувствую, если хочешь, шестым чувством, и что предвижу хоть малым, но собственным опытом и некоторыми знаниями по моей специальности. Если я ещё не покинул России, то исключительно имея вас в виду. Нашей семье оставаться здесь нельзя. Но я считаю, что время ещё не упущено и, если я говорю это, то только с целью побороть твоё неправильное представление о том, что творится в политическом мире и вокруг тебя; я прошу тебя поскорее подготовить отъезд наш из России. Все государственные потрясения, все революции схожи по своей схеме: если какая-нибудь страна дошла до исторического поворота, то и должна изжить его, а не возвращаться вспять. Кроме того, наш народ должен познать сам на себе всю нецелесообразность, жестокость и лживость большевистского учения, а для этого требуется известное время.

До этого народ будет только желать и мечтать о большевиках, а с этим чувством французам ничего не поделать. К тому же, французы устали воевать; они вправе отдохнуть: они проявили сверхчеловеческий героизм, этого забыть нельзя. Их войска вновь на серьёзное дело не пойдут, да и парламент новых кредитов на войну вотировать не будет. Кто же другой нам поможет? Англия, например? Да ей могущественная Россия не нужна и не с руки. Я всегда говорил, что Германии, и ей только одной, нужна сильная Царская Россия: два соседних монархических государства дали бы пример такой несокрушимой мощи, что никаким вражеским силам не пришлось бы даже в голову подступиться к ним. Но немцы парализованы на несколько лет – с этим надо считаться и необходимо также помнить, а это главное, что наш народ желает и ждёт большевиков.

– Что ты говоришь, Саша! Да я абсолютно это отрицаю, народ не знал никогда большевиков, и самое это слово ему не было даже известно.

Виталий Яковлевич Шульгин

– Дело не в слове, Мамá, а в тех возможностях, которые это слово несёт с собою.

– Саша, мой голубчик, – тут вставила своё слово бабушка, – я чувствую полное недоразумение между вами: Мамá не верит в ту степень деморализации народа, которую ты видишь, а ты не понимаешь той степени переутомления, в которой находится Мамá. Да почти никто этого и не понимает! Ведь Мамá на своих плечах, так сказать, вывезла нас из Совдепии. Фу! Это слово только сказала, и то стало противно. Она, бедная, невероятно устала, а отдыха до этих пор ей не было. Ведь только женщины в смутное время могут поддерживать семьи – мужчины в этом хаосе не могут найти себе занятий и службы. Вот и работает Мамá, как умеет, не покладая рук и без передышки, всё время с неослабной энергией. Каково же ей, бедной, ещё ехать дальше и опять что-то сложное и трудное устраивать и налаживать.

– Да я готов, бабушка, хоть сейчас ехать вместо Мамá, куда она пошлёт, но боюсь, что работу исполню хуже неё.

– Конечно, Саша, ты не можешь сделать то, что делает Мамá, но я тебя поддерживаю в той мысли, что наш народ, конечно, не изжил большевиков и жаждет

с их приходом осуществить вековую месть.

– Мамá, милая, что ты говоришь, какая месть? – искренне воскликнула я. – Уже в прошлом, семнадцатом году народ был далеко не тот, что в семнадцатом. Большевики уже тогда начали показывать поборами своё истинное лицо. Помнишь, как крестьяне изуродовали Сидорова за сбор продналога? Я убеждена, что они мечтают лишь об одном – пожить тихо и мирно, воспользовавшись, наконец, результатами революции. Крестьянам ненавистны лишь те, кто хочет забрать их добро или кто будет топтать их посевы: будь то большевики или добровольцы – им всё равно.

– Это последнее замечание вполне верно, Мамá, – ответил Саша, – и народ, конечно, ненавидит тех, кто его обирает: будь то большевики слева или справа – на спине своей ведь он чувствует это одинаково.

– А я всё же хочу пояснить, Наташа, и тебе, и детям, о какой мести я говорила, – снова начала бабушка. – Конечно, мой опыт относится к прежним далёким годам, на основании только этого я и могу судить. Теперь я стою далеко от всего и больше не прикасаюсь непосредственно к внешнему миру. Память о многом ужасном, несправедливом и страшном оставила в душе народа непреодолимое чувство мести. У лучших из них всегда бессознательно шевелится чувство в душе: «Хоть бы немного господ пожили в нашей коже». У худших же – проявляется просто ликование при виде барина в беде. Это чувство не изжито, оно сильно и поныне. Во время моей молодости крестьяне были куда нравственно выше господ, а со времени эмансипации можно было постепенно проследить обратное явление. Я знала много «святых душ», так можно вполне их назвать, среди нянюшек, ключниц, горничных, которых давали в приданое дочерям, среди дядек, бурмистров и камердинеров. Теперь эти образы отошли в вечность, а прежде дом и семья держались верной прислугой – это были её столпы. Потом их стало всё меньше и меньше и, наконец, свобода без воспитания, водка и грошёвый учитель подточили духовную красоту народа. Теперь он докатился до дна, и в нём проснулись худшие инстинкты. Я чувствую, что пришло время расплаты, и народ не успокоится, пока не упьётся мезью за прошлое.

– Бабушка, прости, пожалуйста, ты ведь сама говоришь, что прежде народ был лучше, значит, и лучшая система правления делала его таким. Ты нам говоришь о мести и чувствах народа, потому что ты ведь не могла избежать влияния шестидесятых годов, к которым ты принадлежишь, – сказал Серёжа, до этих пор молчавший.

– Может быть, Серёжа – я с этим не хочу спорить. Наоборот, я вспоминаю с большой благодарностью профессора Шульгина¹, который приезжал к нам в институт и *son amogé*² читал курс по истории – вот какие были тогда времена. Он вложил нам в душу чувство восхищения перед царями и их сподвижниками, создавшими Великую Россию, но он же привил нам понимание того, что пример, который подаёт человек своим поведением, должен быть в соответствии с его положением: чем выше поднялся он, тем возвышеннее должен вести себя. К сожалению, однако, я видела в моей жизни совершенно обратное явление, а ведь я, вы знаете это, принадлежу к одному из родов, которых, кажется, осталось не больше двадцати на целую Россию. Я видела роскошь и богатство, о которых вы, два последних поколения, не имеете и понятия. Я помню, как в дормезах³ путешествовали не только по России, но ездили со штатом своей прислуги и за границу. Я жила в доме, где, считая семью, родственников, воспитателей, воспитательниц, бедных дворян и прислуги, жило более 60 человек, где в праздники подавали к столу серебряную посуду, и роскошь выпирала, так сказать, из каждого угла.

Мне ли, кажется, не ценить того, чем я была окружена всю мою молодость? И, тем не менее, я вспоминаю об этом с ужасом. Прислуга была – вещь-предмет; ей отдавали приказание как в пространство; в лучших домах прислуга спала на ларе в передней, на подстилке за дверью, на сундуке в гардеробной. Розги были обыкновенным наказанием. Наконец, скажу о себе, чего я вам раньше не рассказывала: вы знаете, что меня воспитывали не родители, которые жили за границей вследствие болезни матери, а тётка, приглашённая для этой роли в доме деда Рокотова. Меня, маленькую девочку, наказывали и секли розгами за то, что я смугла, а не бела, но чем же я была виновата, что моя бабушка была креолка. За то, что я встала, а не села, или села, а не встала, *pour les quatre conjugaisons*⁴, когда мне было всего семь лет, и я никак не могла понять, что значит *conjugaison*. И всё это настолько меня потрясло и оставило след, что, став даже немолодой, я всё продолжаю чувствовать вопиющую несправедливость ко мне в детстве. Долго-долго я ловила себя в мечтах о том, чтобы тётушка хоть и сотую долю испытала бы на себе всё то, что заставляла выносить меня.

– Маманичка, маманичка, – зашептал Вася, – правда, Бог накажет гадкую тётку за бабушку?

Глаза его горели, он весь дрожал. Я стала ласкать его.

– Вы, дети, окружены такой любовью и снисходительностью, что даже представить себе не можете ту дисциплину и страх, которые царили в наше время. Много было в них хорошего, но нехороши были крайность и несправедливость – это горькая вещь и трудно забывается. Если я, воспитанная всё же в началах христианства, имеющая радость быть матерью вашей матери и иметь вас внуками, видевшая много добрых людей, не говоря уже о моём и вашем отце, не могу забыть, хоть и давно простила, несправедливостей тётки, то так же целый народ, подстрекаемый и поджигаемый гнусными провокаторами и погрязший в своих усиливающих пороках, не забудет прошлого и не простит никогда, хоть и будет потом нескананно сожалеть о порыве мести и каяться в нём! Да разве мы можем сказать, смотря внутрь совести своей, что мы не стоим этого наказания и урока?

«Дед Рокотов»:
князь Иван Алексеевич Кропоткин

¹ *Виталий Яковлевич Шульгин* (1822–1878) – русский историк, действительный статский советник. Отец известного публициста и политика *Василия Шульгина*. Преподавал историю в Киевском институте благородных девиц и в Университете св. Владимира, где его лекторский талант и либеральное направление вызывали неизменный восторг и любовь слушателей.

² С любовью (*итал.*)

³ *Дормез* – старинная большая дорожная карета для длительного путешествия, приспособленная для сна в пути.

⁴ За четыре спряжения (*фр.*) [*прим. автора*].

– Заслуживаем вполне, но это другой вопрос, бабушка. Я с тобой не согласен в понимании большевизма, который я рассматриваю как наносное явление; оно не в духе нашего народа, а есть порождение масонства...

– Активное, хотя и худшее меньшинство всегда правит, Серёжа, пассивным, хоть и лучшим, большинством. Оттого народ пристал к Емельке Пугачёву, пошёл с удовольствием и грабить, и резать барина. Пугачёвщина не изжита и воскресает с ужасающей силой... масонские лозунги подобраны под вкус народный и, влияя на его низменные страсти, помогают достижению намеченной цели. Вот и придуманы слова и словечки: земля народу, мир хижинам, война дворцам и прочая и прочая, что вы лучше меня знаете. Масоны играют очень умело на элементарном чувстве зависти, которое есть мировая язва. Ведь уметь быть богатым и заставить других простить себе это – большая наука и немногие её постигают. Один из пожилых и мудрых Великих князей, отличавшийся своей учтивой лаской и снисходительностью, часто повторял в интимном кругу: «Il faut se faire pardonner sa position»¹. Если это говорилось в применении к высшим слоям общества, то что же должно сказать, приравниваясь к низшей среде? Я вижу ясно, что война и масонство лишь ускорили неминуемую в России революцию. Этого рода потрясения посылаются Вечной Справедливостью в искупление наших прегрешений через горнило страданий.

– А помнишь слова твоего сна, Mamá: «Еже согреших во дни сем»², – так прервала минуту полной тишины Ксения, всё время до этого молчавшая...

Все встали и стали прощаться.

Чем имеет право владеть советский гражданин как собственностью?

В 8 часов утра я уже была на ногах, и мы с бабушкой и детьми пили кофе наверху... Я только что собиралась закончить мой туалет, как впопыхах вбежала Фёкла и, вся дрожа, объявила, что к нам идут большевики с обыском.

– Попроси подождать внизу пять минут, я сейчас оденусь.

– Совсем не нужно, какие для нас одевания, мы рабочий народ, – послышалось в дверях, и тут же в комнату Кости ввалилось пять незнакомых людей.

Впереди шёл скверного типа мужчина средних лет, высокого роста, за ним, по виду, – рабочий, скорее из скромных, потом два человека – помоложе и постарше, видимо, бывшие чиновники, оба в в потёртой одежде и, наконец, немолодая, некрасивая, худая девица.

Она не извинилась и не удивилась, видя меня не вполне одетой.

– Здравствуйте, господа, кто из вас старший и у кого документы?

– А вот, пожалуйста, мандат на сбор излишков, – ответил чиновник постарше, протянув бумагу и добавляя:

– Мне очень тяжело выступать в такой роли, ведь я почтовый чиновник, но, тем не менее, я получил приказ возглавить эту работу по данному району и не могу не исполнить предписания. У меня самого идёт теперь на дому отобрание излишков. А вот не угодно ли взглянуть на список вещей, которыми каждый гражданин имеет право владеть, как собственностью?

Мы с Ксенией взглянули на список. Разрешалось иметь:

3 сорочки, 3 кальсон или панталон, 2 пары носков, или портянок, или чулок, 2 носовых платка, 2 простыни, 2 полотенца, 1 одеяло, 1 зимний костюм или зимнее платье, 1 летний костюм или летнее платье, 1 пальто или шубу, 1 зимний головной убор: шапку или платок, 1 летний головной убор: картуз, шляпу или платок, 1 пару обуви, 1 пару валенок, 1 пару галош.

Одним словом, официально предписывалось русским людям сгнить от грязи в одном летнем платье, стирать свой носовой платок каждый день, причём часть времени можно было спать с простынями, а другую часть на голом матраце.

Немедленно же по ознакомлении с сутью дела в голове моей создался план действий: тянуть как можно дольше эту гадкую комедию в надежде... на какую-нибудь перемену...

¹ Нужно поступать так, чтобы нам прощали это положение (фр.) [прим. автора]

² Молитва 5-я, из молитв на сон грядущим: «Господи Боже наш, еже согреших во дни сем словом, делом и помышлением, яко Благ и Человеколюбец, прости ми...».

– Не начать ли нам с бабушки? Комната у неё крайняя, и от неё двинемся к другим... Подождите минутку, я только пойду предупредить мою мать, да взгляну, одета ли она.

А сама думаю: «У Мамá узелки-узелочки, короба-коробочки, они в них запутаются и завязнут. А Ксения да я будем с бабушкой над каждой вещью причитать, да её у них вымаливать, вот время и протянется; к тому же, на наше счастье, эти люди, видимо, совсем не знают, к кому они пришли».

Я вошла к бабушке.

– Ты одета, Мамá? Пришла комиссия осматривать вещи. Что рассказывали все эти дни, всё это преувеличено; они берут лишь вещи на учёт. Можно этим людям войти? Ты не пугайся, мы с Ксенией всё время будем с тобой.

– Что делать, моя душка! Такие времена настали, пусть идут. Тебя мне жаль, всё-то ты в ответе.

– Ничего, ничего, это легче, чем я предполагала.

– Дай-то Бог!

– Но теперь про большевиков ни слова, – и я открыла дверь.

– Здравствуйте, бабушка, – сказал, видимо, бывший лакей. – Ну что у Вас есть? Показывайте.

– Здравствуйте. Да вот дочь моя возьмёт ключи и покажет вам. Мало у меня всего: бельё давно я не шила, всё уже износилось, стирают к тому же плохо – последнее рвётся.

Я стала раскрывать комод и чемодан.

– Только, пожалуйста, сами не трогайте. Вы мне сделаете беспорядок, а у меня сил не хватит убирать. Всё придётся складывать моей бедной дочери, а у неё и без того много дела.

– Да мы, бабушка, совсем отбирать будем, – жёстко заметил лакей.

– Как так отбирать?

На лице её читался ужас, не о себе она думала, а о нас, конечно, что мы лишимся всего, что имеем.

– Да нет же, Мамá, этот человек так сказал только, чтобы пошутить, – и я кивком головы вызвала лакея в свою комнату.

– Вам ведь нужны вещи, а не жизнь моей матери, так не пугайте же её и не показывайте виду, что вы будете почти всё отбирать. Исполните мою просьбу, это такой пустяк, я Вас очень прошу об этом.

– Конечно, мне всё равно, это я так сбрыхнул...

– А позвольте посмотреть, что здесь в коробке? – заметила девица, нагнувшись над вещами.

– Раскройте, пожалуйста.

К моему ужасу, там оказались два браслета; я совершенно забыла, что они были спрятаны у бабушки с надписью, кому они принадлежат и от кого получены. Присланы они были ранней весной 1917 года Соней, сестрой Кости, когда она покидала Россию¹. Она просила передать их, как память от неё невестам Никиты и Васи, если Господь благословит их когда-нибудь жениться.

«Ну, уж и девица-ищейка», – подумалось мне.

– Позвольте, я спрячу их к себе в мешок. Вы не беспокойтесь, они будут целы, ведь я чиновница.

«С этой ягодкой надо быть осторожнее, чем с лакеем», – решила я про себя, видя, как девица разглядывает браслеты, раньше чем их спрятать. Они действительно были ценны.

*Великая княгиня Елизавета Фёдоровна
со своей фрейлиной «Соней»:
княжной Александрой Николаевной
Лобановой-Ростовской*

¹ Напомним, что речь идет о фрейлине Великой Княгини Елизаветы Федоровны княжне Александре Николаевне Лобановой-Ростовской.

Оба массивного золота с драгоценными камнями. Это были подарки Царской семьи моей belle soeur¹. Ксения только многозначительно посмотрела на меня.

– А может быть, у вас ещё где-нибудь спрятаны золотые или драгоценные вещи? У нас имеется особая инструкция: кроме обручального кольца и креста, всё должно быть изъято, – вошла чиновница во вкус.

– У меня больше ничего нет, – решительно ответила я.

– Не стыдно вам у внуков моих отнимать их единственное достояние? Один ещё малолетний, ему учиться надо, не невесте его, так на учение пошло бы.

– Бабушка, Вы не волнуйтесь – сказал молодой человек.

– Это только для учёта, Мамá.

– Хорошо учёт, коли себе в сумку кладут, я ведь всё понимаю.

Атмосфера понемногу накалялась и становилась не только нудной, но и отвратительной. Мы все стали уже проявлять нервозность, торговались из-за каждой тряпки, тянули её то к одной куче, то к другой. Чиновник записывал вещи дрожащими руками, лакей изводился и не позволял нам оставлять лучшее бельё, откладывая его для «чека». Наконец, его терпение лопнуло:

– Неужели у вас кроме этих тряпок да дребедени, ничего нет? Ведь это немыслимо. Где Ваш муж, где его вещи?

– Мой муж сидит в «чека», и вещи с ним.

– Завязывайте в узел этот хлам, а я пойду по дому посмотреть, наверное, много ещё чего-нибудь найду. Не верю я, чтобы кроме этого барахла так-таки ничего у них не было бы! – воскликнул лакей, обращаясь к комиссии...

– Кто это здесь? Кто смеет красноармейскую семью грабить? – раздался вдруг зычный голос влетевшего, как бомба, Ежова.

– Прошу Вас воздержаться, товарищ, мы по мандату...

– Уж с полчаса как по городу расклеили объявление, что день восстания отменён, а вы всё продолжаете грабить, уже из любви к искусству! У бабушки моей вещей наворотили узел – на что это похоже! Оставайтесь здесь, Ксения Константиновна, а мы с Наталией Артамоновной пойдём тут рядом в дом да позовём, кого нужно! ...

Комиссия стала собираться.

– До свидания, до другого раза. А не миновать вам попозднее ваши вещи нам сдавать, – уходя, едко сказал лакей.

Ежов только смеялся ему в лицо.

– Прощайте, – спокойно сказала я.

Они пошли к выходу. Девушка впереди всех. Ещё мгновение, и она бы ушла.

– А Вы, барышня, всё же мне браслеты отдайте: у меня хлеб вышел, да и мужу послать надо. Вот продадим, так прокормимся.

– Простите, пожалуйста, я забыла про них.

– Конечно, конечно, – успокоила я девушку, когда она дрожащими руками вынимала браслеты из сумки.

– Сорвалось, сорвалось, – шептала мне Ксения, глядя на удаляющуюся комиссию.

Заперев библиотеку, мы все бросились к бабушке.

– Если бы не ты и твои вещи, бабушка, ничего не удалось бы спасти, – сказала, вбежав, Ксения.

– Как я рада за вас, мои дорогие. Но не успокаиваете ли вы меня только, старую? Душка моя Наташа, надо же было тебе, кроме всего, ещё и это дело иметь на плечах! Боже, какое время, какие люди! Но ведь есть же несчастные, у которых успели всё отобрать. Что они теперь чувствуют, чем будут жить?..

Таким образом закончилось роковое утро, принёсшее разорение сотням семейств и не пощадившее даже иностранцев. Так, оставшийся в Одессе бывший там сербский консул, всеми любимый и уважаемый, рассказывал мне впоследствии, как у него и у его слепнувшей сестры комиссия по изъятию излишеств мгновенно выхватила всё серебро и сундуки с вещами и как никакие протесты и уговоры на неё не подействовали. Бесчисленные баулы, сундуки, ящики, корзины и узлы попали в это утро в «чрезвычайку». Правда, к счастью, было ограблено не больше десяти

¹ «Подарки belle soeur» – подарки сестре мужа, А. Н. Лобановой-Ростовской.

процентов всего населения города, но и этого было совершенно достаточно, чтобы заполнить потребительский рынок вещами и, таким образом, сильно понизить продажную стоимость их, что опять-таки больше всего отразилось на буржуазии, жившей исключительно сбытом оставшегося у неё достояния...

Сентябрь 1919 г. День рождения Мамá

Итак, Ксения отлетела от нас. В этот период обладания белыми Одессою, то есть ранней осенью 1919 года, будущее ещё не казалось безнадежным. Чувствительных невзгод мы ещё не терпели, а «рейд» Мамонтова¹ вносил некоторую живительную бодрость и многими рассматривался, как начало освобождения России от большевизма. Потому-то отъезд дочери был замечен, так сказать, лишь сердцем. Кроме нас, её родителей, отсутствие Ксении чувствовалось и бабушкой, с которой внучка была особенно ласкова и предупредительна. Но я знала, что стоит только, не дай Бог, жизни начать выявляться в ненормальном масштабе, как немедленно же все почувствуют, и не одним только сердцем, отсутствие дочери...

Между тем наступил и день моего рождения, особенно заставивший меня вспомнить, как год тому назад я провела его в монастыре, в радости и счастье от близости к благодатному старцу.

Поздравляя меня утром, Мамá передала мне свёрточек в тонкой бумаге, перевязанный розовой ленточкой:

– Вот тебе, моя душка, моя последняя работа. Уже сколько лет для меня было такой радостью готовиться к этому дню, но теперь чувствую, что кончено – зрение больше не позволяет. С очками я даже вижу хуже, чем без них. Никому не отдавай моей работы, сама носи её на память.

Сколько грусти и любви было в дорогих, лучистых её глазах, как трепетно обнимали меня её дрожащие ручки.

Боже, как сжалось моё сердце, как тяжело было сознание, что моя единственная и ненаглядная Мамá стареет, и что каждый час приближает нашу разлуку...

Никто и никогда в жизни не будет меня любить, как она. Только мать одна всё простит, всё поймёт, всегда за всё и перед всеми заступится...

Заметила я, что и с Васей ей уже тяжело стало заниматься. Мальчик своей резвостью и непоседливостью утомлял бабушку, она же не хотела сдаваться и потому не прекращала с ним занятий...

«Небесное извещение о приближающемся конце Мамá»

При таких постоянных треволнениях и неприятностях приблизились праздники. Бабушка частенько стала жаловаться на плохое зрение. Как-то в декабре она вызвала меня к себе в комнату и сказала:

– Кончено, моя душка, не могу, как ни грустно мне, больше заниматься с Васей, – а он сидел у неё за столом и писал, – я уже больше ничего не могу прочесть, надо с терпением понести и этот крест, если так Господу угодно... Другим ещё хуже бывает.

Я принесла Мамá Библию синодального издания с особо крупным шрифтом, но и в этой печати она не смогла разобрать более двух-трёх слов, и то с большим трудом. Пришлось обратиться к окулисту. Варвара Ивановна Каспари указала мне на тогдашнюю знаменитость в Одессе, и мы свезли к нему Мамá.

День был очень холодный, и мы одели Мамá, вышедшую на воздух в первый раз за всю эту осень, в её серую шубку. Профессор-окулист констатировал у моей матери катаракт обоих глаз, но с надеждой, что он созреет через 6-8 месяцев, когда и возможно будет сделать операцию. Мамá мужественно приняла это известие, но я не могла не заметить, насколько оно было для неё подавляюще тягостно: ведь её мать и моя бабушка, скончавшаяся сравнительно недавно на 96-м году жизни, страдала в течение 20 лет «тёмной водой», то есть неудачно оперированным катарак-

¹ 10 августа – 19 сентября 1919 г. 4-й Донской корпус Донской армии Вооружённых сил Юга России под руководством генерала К.К. Мамонтова (Мамантова) совершил конный рейд по тылам красного Южного фронта и взял города Тамбов, Козлов, Лебедянь, Елец и Воронеж, станции Касторная и Грязи.

Сергей Петрович Боткин

знавшей, по-видимому, этой часто встречающейся формы небесного извещения о приближающемся конце. Отец моей матери был моряк и человек исключительной доброты, умер рано от застуженной подагры, был безгранично любим своей дочерью, оплакивавшей его всю свою жизнь. Отход к нему ей был бы, конечно, в радость, но мне было бесконечно скорбно всё это слышать. Слова её рассказа, подобно гвоздю, вбивались в моё сердце, совершенно ясно уже чувствующее хоть медленное, но непредротвратимое приближение роковой развязки...

В красной Одессе

Горечь переживаний обывателей велика: их упования разбиты большевистствующими итальянцами... Несмотря на все события красного оттенка, имеющие место на прибывших военных судах, несмотря на свою полуфранцузскую кровь, Мамá, тем не менее, продолжает быть верна своей любви и к Италии, и к итальянцам:

– Не верю, – говорит она, – чтобы они стали большевиками. Итальянцы, так же, как и все сражавшиеся, приняли с войной много горя. И у них, как и у всех прочих, есть и разорённые семьи, и разбитые жизни. Конечно, всё это вызывает волнение масс, но тысячелетняя культура, ум, вкус ко всему прекрасному возьмут верх и не допустят безобразий грубо разбойнической и хулиганской политики, как у нас. Теперь по их стране несётся вихрь, но он пройдёт. Помни, что по доброте сердца этот народ может только сравниться с русским.

Часто в эти дни вспоминает Мамá про Неаполь её молодости, так мало похожий на теперешний. В 70-х годах это был небольшой город, утопавший в зелени, полный мира, тишины и поэзии. Она рассказывает мне также про Императрицу Марию Александровну (супругу Императора Александра Второго), болевшую лёгкими и жившую в Неаполе одновременно с нею; про профессора Боткина¹, с которым она была очень хорошо знакома; про различные русские семейства, где у неё были близкие и друзья.

¹ *Сергей Петрович Боткин* (1832–1889) – выдающийся врач-терапевт, один из основоположников физиологического направления русской научной клинической медицины, крупный общественный деятель, надворный советник, инициатор общественных преобразований в медицине, профессор Медико-хирургической академии и первый русский лейб-медик (т.е. придворный врач) Императорской семьи; отец прав. страстотерпца лейб-медика Евгения Боткина († 1918), принявшего мученическую кончину вместе с Царской Семьей.

том глаз. Память обо всём этом была ещё слишком свежа у всех нас и не могла не быть сейчас очень горька для Мамá.

– Не говори никому про мои глаза. Там видно будет, – только сказала она мне.

Я поняла, что Мамá боится больше всего слов сочувствия и утешения. Это удесятерило бы её скорбь, и она опасалась дрогнуть в своём стоицизме. Я стала рассказывать Мамá про бесчисленные случаи операций катаракта, – операций, считающихся теперь элементарными, – после которых счастливо прозревают и очень пожилые люди.

– Знаю, моя душка, но не для меня всё это – я ведь не долго теперь проживу. Довольно с меня: я устала жить, ох, как я устала! Я не успела тебе ещё рассказать, какой я сегодня странный сон видела: точно покойный отец мой строил мне дом, а я так обрадовалась папёнке, что стала просить его взять меня к себе, а он мне и говорит: «Погоди немного, видишь, крыши ещё нет... вот, отстрою дом, тогда ты и заживёшь в нём», – что бы это значило, Наташа, как ты думаешь?

Я очень хорошо знала, что это значит. Это предупреждение было скорее для меня, чем для Мамá, не

Эти далёкие, милые картины прошлого не могут умиротворить мою душу, она беспокойна и от городских слухов, и от обывательских разочарований, и от тревог за судьбу Ксении.

Предзнаменование

Как-то раз, когда было ещё очень тепло, Мама́, по обыкновению, пошла в послеобеденные часы посидеть на балконе. Вскоре она задремала, а я воспользовалась этим, чтобы выйти из дому по делу. Вернулась я часа через полтора, когда Мама́ уже проснулась.

– Представь себе, моя душка, кажется, я задремала, а вместе с тем я только что видела бабушку Клару Ивановну¹, и сама не ведаю как – во сне или наяву? Её я не знала. Она скончалась за десять лет до моего рождения, и ей было тогда сорок один год, то есть это случилось почти в расцвете её женской жизни. Погибла она от холеры, которая свирепствовала тогда на юге России, и покосила тогда немало народу и в Хорошеве², где жила тогда бабушка. Это было имение деда, перешедшее потом к моему отцу. Он несказанно был привязан к своей матери и никогда не мог спокойно говорить о её преждевременной кончине. Бабушка Клара Ивановна была очень талантливой и интересной женщиной, окончила с шифром³ Смольный монастырь, и 16-ти лет была назначена фрейлиной, но вскоре же выдана замуж за пожилого адмирала Н.Н.⁴ От него она имела сына⁵, моего отца, а через три года овдовела.

Католичка, дочь русского министра, но француза родом, фрейлина, родители которой прожили несколько лет эмигрантами в Швейцарии, она могла рассказать много интересного про себя, про Двор, про лиц, с которыми встречалась. Ты помнишь, я тебе читала выдержки из её мемуаров с подробностями о смерти Государя Павла Петровича⁶? Он очень любил и ценил моего деда, у которого были наилучшие отношения, как это ни странно, и с Государем Александром I⁷. Я ведь дала тебе бабушкину миниатюру, моя душка. Храни её всю жизнь, как я её хранила. Мой прадед, маркиз Иван Иванович⁸, говорил про мою бабушку, то есть про свою дочь Клару: «Ma fille a volé l'esprit de mes fils»⁹. Этим всё сказано. Она была по характеру очень жива, *boute-en-train*¹⁰ всякого общества. Крестьяне её

*Император Александр II с супругой
Императрицей Марией Александровной*

¹ Речь идет об урожденной *маркизе Клер (Кларе Ивановне) де Траверсе* (1785 – 1826), дочери маркиза Жана Батиста (Ивана Ивановича) де Траверсе, адмирала и морского министра.

² Село Хорошево Верхнеднепровского уезда Екатеринославской губернии – подлинное название имения Леонтовичей.

³ Окончить с шифром Смольный: каждый год 6 лучших выпускниц, закончивших Смольный институт с отличием получали «шифр» – золотой вензель в виде инициала Императрицы Екатерины II, который носили на белом банте с золотыми полосками. Эта награда давала возможность стать фрейлиной при Дворе.

⁴ Контр-адмирал Леонтович Константин Степанович (? – 1811).

⁵ Лейтенант Леонтович Александр Константинович (26.03.1806 – 1863).

⁶ В результате заговора части дворянской верхушки во главе с графом П. Паленом Император Павел I был убит 11 марта 1801 г. в своей спальне в Михайловском дворце Санкт-Петербурга.

⁷ Заговорщики, готовившие убийство Павла I намеренно сеяли рознь и подозрения между Императором и его сыном, Цесаревичем Александром. Участие Александра в событиях 11 марта 1801 г. до сих пор покрыто завесой тайны. Никаких убедительных доказательств в том, что Цесаревич знал о грядущем убийстве своего отца, не существует. Но Александр всю жизнь испытывал жесточайшие муки совести за происшедшее.

⁸ *Маркиз Жан Батист Прево де Сансак де Траверсе* (в России стал именоваться «Иван Иванович де Траверсе»).

⁹ Моя дочь похитила ум моих сыновей (*фр.*) [*прим. автора*].

¹⁰ Гвоздь общества [*прим. автора*]. Душа компании.

Шифр, которым награждались выпускницы Смольного института, закончившие его с отличием

обожали, и я знала стариков и старух в Хорошеве, которые со слезами вспоминали её и рассказывали, как она была всегда к ним добра. Так вот, представь себе, полчаса тому назад, увидела я её перед собой так ясно и отчётливо в светло-сером шёлковом гладком платье. Как живая, стоит она и теперь перед моими глазами. Никто мне её не назвал, но я точно знала, что это она, бросилась к ней и говорю: «Бабушка, милая бабушка, возьмите меня с собой». И я стала просить её, обнимать и целовать. А она и говорит мне: «Не могу теперь тебя взять, тебе нужно ещё терпения», и ещё сказала она мне несколько слов, но, как ни люблю тебя, Наташа, но передать тебе их не могу... не должна... Потом я про тебя спросила ещё бабушку. Она мне ответила: «И ей нужно терпения, и ей это будет на пользу. А теперь я пойду к моему Васеньке». И

всё исчезло. Но сколько любви, сколько ласки было в её словах, когда она сказала – «к моему Васеньке», – ведь так она всегда называла моего отца и своего сына. Правда, как всё это странно, и что ты на это скажешь, Наташа?

– Что тебе ещё рано думать нас оставить, дорогая Мамá.

– Ну, а про терпение?

– Вот увидим, что сентябрь скажет.

Я обняла дорогую Мамá, поняв очень хорошо, что и ей, и мне предстояло иметь много терпения в несении какого-то креста, который Господу угодно будет возложить на нас....

Ксения совершает побег с детьми за границу

Что-то отрывается в моём сердце. Рука невольно хочет подняться и перекрестить детей, но падает – что, если увидят и спросят, кого это я крещу и провожаю. С горьким чувством покинутой матери я направляюсь к базару. Но мысль о другой матери, которая также любит и мучается за своё дитя, возвращает мне энергию.

Покупаю, что нужно для обеда, возвращаюсь домой. В моей комнате так пусто и одиноко. Иду к Мамá. Дорогие ручки её меня обнимают и нежный голос говорит:

– Не печалься, моя душка, у Кости им будет лучше. Они могли здесь зачахнуть. Им нужна перемена. Нас с тобой Господь никогда не оставит, и мы ведь будем скоро с ними.

Так она ищет меня утешить, меня ободрить и залечить своею любовью мою печаль.

Я целую её ручки, рассказываю ей об отъезде детей, а затем принимаюсь за уборку комнат, за посуду и обед, чтобы хоть работой прогнать тяжёлые мысли...

Высокие ботинки от Мамá

Погода окончательно портится: идут холодные осенние дожди, и в наших комнатах становится как-то промозгло и сыро. Одновременно возникают два трагических положения, которые следует разрешить немедленно же, именно – чем и как отапливаться, и что мне надеть на ноги?

Первое затруднение уже почти мною устранено: как-то встретив меня у ворот, смотритель двора предложил купить за 12 тысяч рублей печку, порученную ему на продажу съехавшей из нашего двора жиличкой. Но второе – вопрос обуви – разрешить гораздо труднее.

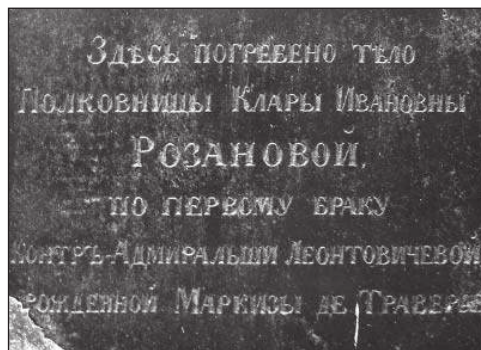
Пара новых высоких кожаных башмаков с хорошими подошвами стоит 60-70 тысяч рублей – капитал для меня недостижимый. Низкие же, тоже кожаные, башмаки ценятся лишь на 10-15 тысяч дешевле, но при отсутствии чулок они для зимы непригодны. Итак, я уже слепила какое-то подобие их из чёрных лоскутков, но эта конструкция уже еле держится на ногах, а единственная моя обувь – чёрные суконные туфли на верёвочных подошвах уже давно пропускают воду. Переменить мне нечего, и ноги ломят не переставая.

Сердце матери, хоть и глаза её не видят, давно догадывается о положении вещей, и вот она как-то посвящает несколько часов таинственной и поспешной разборке своих вещей в сундуке. На другой

день, утром, как только я принесла кофе, она подходит ко мне и, заложив свои дорогие ручки за спину, говорит:

– А я тебе приготовила сюрприз, моя душка. Это не так-то красиво, но очень полезно. Ты меня не брани, я знаю, что и настоящие их владельцы на меня не рассердятся за то, что я эти вещи взяла для тебя. Ведь ты зябнешь, но молчишь, я это знаю и мучаюсь за тебя.

И Мамá подаёт мне превосходные, совсем новые, высокие ботики чёрного сукна с резиновой подошвой. Правда, они старомодны, с острыми носками и без каблуков, но это последнее именно и является необходимым, чтобы надеть их прямо на ногу. Я в восторге, и сразу придумываю комбинацию: устраиваю подобие обмоток и бинтую ими ноги до верха. Они увеличиваются сильно в объёме и, без башмаков, наполняют ботики. Я целую ручки Мамá и признаюсь ей, что она, поистине, вывела меня из безвыходного положения. Радости её нет границ...

Надгробие на могиле Клары Ивановны, ур. де Траверсе Смоленской лютеранской кладбище Санкт-Петербурга

Конец 1920-го – начало 1921-го. Рождественский сочельник

Ударил колокол. Я пошла в церковь помолиться за всех отсутствовавших, зная, что в Женеве и Костя с детьми тоже пойдёт в церковь и будет молить Господа вернуть ему нас. Когда я возвратилась домой, меня сразу обдал чудный еловый запах. Лампада горела. Я затопила печь, поставила всё приготовленное на стол и пригласила Мамá к ужину. Мне особенно памятен этот рождественский вечер, проведённый вдвоём с матерью. Было тихо, тепло и уютно. Крошечная лампочка озаряла чудное по своему выражению лицо старушки, надевшей к преддверию праздника белый чепчик и лиловое платье. Она смотрела на свою немолодую уже дочь глазами, полными бесконечной любви.

– Нас только двое, моя душка, а я сегодня так счастлива, как, кажется, никогда не бывала. Только в детстве ты мне так принадлежала, как теперь. Уедем мы отсюда, нам будет лучше, но я лично никогда уже не буду иметь тебя для себя самой так много, как в настоящее время. Как люблю я этот праздник. Сколько времени прошло, а всё помню, как дивно было хорошо Рождество в Хорошеве, у нас в имении. Отец устраивал в зале огромную ёлку, до самого потолка. Приходили дворовые дети, и отец был так счастлив одарить их. Все святки ходили к нам ряженые: как плясали, как остроумно представляли. Ты не можешь себе представить, сколько они проявляли наблюдательности, чувства меры и тонкого юмора. Да, чудесно справляли праздники Рождества в Малороссии, и две недели Святки проходили, как один день.

Отца все чрезвычайно любили: он был необыкновенно добрый человек и умел помогать нуждающимся. В случае пожара или какой-нибудь беды у вольных ли, крестьян, или у однодворцев, отец давал не рубль и не два, чтобы отделаться от просителя, а входил в его положение: помогал, например, ставить избу, купить лошадь или корову, ежели у кого пала. Любил он и выводить в люди из своих же крепостных, кто был поталантливее. Его вообще мало обманывали, но, если когда-нибудь это и случалось, то, бывало, он собственными руками спускал виновного с лестницы. Он был очень горяч и обладал громовым голосом. Государь Николай Павлович особенно любил слушать его командование, а адмирал Лазарев говорил про него: «Человек с душою и любит море». Это была его высшая похвала моряку.

Однако, тридцати пяти лет отроду, имея перед собой блестящее служебное будущее, командуя уже бригадом, отец полюбил Мамá и бросил всё. Морской министр говорил про него: «два чувства не могут уместиться в его сердце». Действительно, женившись, он прожил только год в Петербурге, а затем переехал с молодой женой в Хорошево, где и зажил, занимаясь хозяйством. Он построил прекрасный дом, отличавшийся не роскошью, а удобством, поместительностью и крепостью.

Его мать, моя бабушка, Клара Ивановна, тогда уже умерла. Она скончалась на 41 году от холеры, всю жизнь оплакиваемая своим единственным сыном. Таким образом, я никогда не видела бабушку, хотя много слышала от помнивших её помещиков и крестьян, какой она была прекрасной личностью. Как француженка, бабушка была католичкой, у меня хранится французский катехизис,

Няня Маша

по которому она учила своего сына. Отец был истинным христианином и относился равно ко всем людям. От его наблюдательности не укрылась, например, бедность фактора, еврея Бродского, жившего в Хорошеве.

– А что такое фактор, Мамá?

– В то время в каждом почти большом селе, как, скажем, наше, жило одно или два еврейских семейства. Глава семейства занимался обычно факторством, то есть комиссионерством, исполнением всякого рода поручений, где требовались ум и сметливость. Так вот, фактору Бродскому, по его просьбе, отец дал 2.000 рублей. Для комиссионера это была огромная сумма и многие упрекали отца за такое доверие. Но Рапа, зная честность, способность и трудолюбие фактора, не ошибся: Бродский отдал деньги в срок, хотя и не давал расписки. С тех пор он стал на ноги и всю жизнь был искренне благодарен отцу. В нашем округе евреи благоговели перед отцом и называли его «Король», за красоту, за голос и доброту. Отец, хотя и был очень богатым человеком, но не любил швырять деньгами и считал это большим проступком. Не любил он также оставлять деньги незапертыми, считая великим грехом вводить людей в соблазн. Он был большим патриотом, но, как ни рвался присоединиться к товарищам в Севастополь-

скую кампанию, подагра приковала его к креслу, а потом и доконала. Ведь он умер ещё не старым человеком – ему было всего 57 лет, но сегодня я не хочу об этом вспоминать.

Перед моими глазами пронесётся другие картины: вот, садятся за ужин в Сочельник. Чего-чего только не было на столе – и описать трудно... И маринованная осетрина, которая у нас вообще не переводилась, и заливное из рыбы, и рыба жареная, и пирог с белыми грибами, и пирожки с капустой, с яблоками и с маком. А какая кутья – мягкая какая-то, с тех пор я не едала такой, в ней грецкие орехи, цукаты, мёд, маковое молоко. Какие узвары: бывали с вишнями, с персиками, с абрикосами. Об яблоках и грушах и говорить нечего. Работало у нас два повара.

Семья наша была невелика, но отец был хлебосолом и много принимал. Сам он не курил, не пил и в карты не играл. Дал в этом слово бабушке и всю жизнь крепко его держал. Терпеть не мог он пьяниц, и пьяному лучше было на глаза ему не показываться. Любил отец хорошо угостить и умел это сделать, но достатков своих не уменьшил, а только умножил. Обед обыкновенно у нас в Малороссии подавался в час дня и состоял из пяти блюд. Без рыбного, хотя рыба была привозная, мы за стол не садились. К супу обязательно подавались разного рода пирожки. Если не было гостей, обедом и заканчивалась работа поваров. В обыкновенное время, к восьми часам вечера, только подогревалось то, что оставалось от обеда. Отец не любил накладывать ненужной работы на людей и желал, чтобы они имели свободное время для себя. Но он хотел, вместе с тем, чтобы повара не забывали своего искусства, а потому требовал от них тщательного отношения к делу.

Хорошево находилось в 45 верстах от города и, когда погода была ведренная, а покупок крупных не было, за почтой два раза в неделю ходил скороход. Он делал это в два дня и одновременно исполнял в городе и многочисленные мелкие поручения. Этим он и жил. Человек он был вольный, непьющий, необыкновенно смиренный и честный. Теперь *emploi*¹ скороходов совсем вывелось, трудно себе даже представить, что в то время это было своего рода ремесло.

С какой любовью вспоминаю я старых слуг: няню Марию Афанасьевну, экономку Фиону Ивановну – это были чудные праведницы... Старинные слуги, в моё время, бывали часто подвижниками, не говоря о том, сколько у них часто было своеобразного ума и талантливости. Ты помнишь ли, например, мою няню Машу? Ведь её за ум все люди «министром» называли, а была она еле грамотна. Смотрю я на нашу советскую лампочку, и вспоминается мне, как няня Маша рассказывала нам, детям, чудесные сказки, а сама, нет-нет и снимет нагар со свечки ножницами. Такие серебря-

¹ Занятие (фр.) [прим. автора].

ные ножницы, с особым загнутым выступом на одном лезвии, лежали во всех комнатах, – помнишь, у меня пара пропала в Тихом? Тогда горели сальные свечи и выделявали их в имениях. На званых же вечерах зажигали в люстрах парафиновые и восковые свечи. Потом пошли масляные лампы, и назывались они «карсельскими»¹. Ты помнишь, у нас было две таких лампы, саксонские *oignon*²? Уже много позже познакомились мы с керосином...

Так вспоминала Мамá о старине. Затем перешла на моё детство, не забыла и о заветном, шоколадном башмачке, который я получила на ёлке и которому я тотчас же откусила каблук. Мне было тогда всего три года, а Мамá спрятала этот сапожок и хранила его всю жизнь, равно как и мою первую куклу, и первое платье, ею самой сшитое. Всё это погибло в Тихом.

Затем вспоминали мы уже вместе наши петербургские ёлки, моего незабвенного Бореньку и всех, кого не было с нами. Хотя память об отошедших и отсутствовавших и резанула сердце, но душу сейчас же наполнило бодрое и сладостное чувство: «С нами Бог³, во веки, аминь»...

*Тетя Александрин Княжевич,
супруга «зятя князя Рокотова»:
Николая Максимовича Княжевича*

Весна 1921 г. Перед побегом. Воспоминания Мамá

В последние дни укладки я была так занята, что уделяла лишь очень мало времени моей дорогой матери. Только вечером я могла до известной степени это восполнить. Тут-то, при горящей лампаде, в тишине, Мамá начинала рассказывать о старине, как будто она спешила запечатлеть в моей памяти все картины своего прошлого. Они так вырисовывались передо мной, точно я видела всё это собственными глазами. Вероятно, это происходило от необыкновенной правдивости и чистоты самой рассказчицы.

Вот – вижу Мамá маленькой девочкой. Она живёт в широте и довольстве тогдашнего малороссийского быта, в селе Хорошеве, главном имении отца. Родители её молоды и так красивы. Но девочка мала и многого себе не уясняет. Помнит она, как чудесно справляли Рождество, Пасху, семейные праздники, как легко жилось в этом привольном крае, о котором она вспоминает с такой радостью.

Потом, внезапно, жизнь эта оборвалась. Она помнила, что её долго, долго везли в *дормёзе*⁴ в северное имение деда, князя Рокотова⁵, где царствовали роскошь и богатство, но не было настоящей хозяйки, так как бабушка умерла от чахотки 26 лет от роду⁶. Домоправительницей была недобрая молодая тётка, гроза всего живого. Родители оставили дочь на попечение деда, а сами уехали за границу, для лечения матери. Такие поездки в 40-х годах прошлого столетия были длительными предприятими, производились в *дормёзах*, с остановками по всем почти городам для отдыха и еды.

Таким образом, несчастная девочка попала в руки злой родственницы и много пролила горьких слёз в своей золотой клетке. Началась трагедия детской души. С бесчеловечной жестокостью недобрая женщина обрушилась всей своей злобой на беззащитного ребенка: почему так трудно рас-

¹ *Карсельская лампа* – фарфоровая ваза на массивной бронзовой подставке, масло поднималось в горелку при помощи насоса, приводимого в действие часовым механизмом; в 1800 году изобрел швейцарский мастер Карсель.

² Саксонские лампы *oignon* (фр. лук) – лампы немецкой фарфоровой мануфактуры Мейсен (мейсенский фарфор) с «луковичным декором» – синяя (кобальтовая) роспись по белому фону с мотивом, изображающим экзотические фрукты, цветы и листья. Узор произошел от китайского декора, при копировании которого экзотическим фруктам была придана более привычная для европейцев форма, напоминающая луковицу. Декор также имел название «синий лук».

³ Слова из торжественной песни пророка Исаии, которая поётся во время всенощного бдения праздника Рождества Христова.

⁴ *Дормез* – истор. (франц. *dogmeuse*, от *dogmir* – спать) дорожная карета, устроенная так, чтобы в ней можно было бы лечь во весь рост и спать.

⁵ Фамилия вымышленная, ибо князей Рокотовых не было. Дедушка «Прасковьи Васильевны» (Ольги Александровны, ур. Леонтович), отец ее матери (Ольги Ивановны Леонтович, ур. КН. Кропоткиной) – князь Кропоткин Иван Алексеевич (1777–1866).

⁶ Наталья Артамоновна Кожина.

«Дядюшка Бутурлин»:
Николай Александрович Бутурлин

Из родни особенно памятен Мамá был её дядюшка *Бутурлин, которого сажали всегда за отдельный стол, с вырезом для его полноты. Ему подавали ту же еду, что и всем, но на особом блюде: пол-осетра было его порцией, остальное шло в том же количестве. Он был добродушен и щедр. Слуги его любили.

Наоборот, общей антипатией как господ, так и слуг, пользовалась пожилая девица-княжна, 70 лет, сестра хозяина дома. В занимаемых ею комнатах наверху, всегда томился в углу, на горохе, личный её казачок. Его жалела и о нём плакала только одинокая девочка, знавшая по горькому опыту всю мучительность этого наказания. И молодая тётка-домоправительница, и пожилая гранд-тант¹ могли в жестокости соперничать друг с другом.

Иногда к деду наезжал его добрый младший брат, которого в семье не особенно жаловали: он был невелик в чинах и в делах своих незадачлив. Но именно он особенно умилял несчастную девочку. Как-то, на Рождество, он подарил одинокому ребёнку плитку шоколада, обернутого в бумагу с картинкой, изображавшей корабль, сказавши: «Возьми это, Пашенька. Корабль для тебя: на нём едет к тебе папенька».

Эти простые, но ласковые слова девочка запомнила на всю жизнь, на десятки лет, даже в старости согреваясь памятью о них.

Мамá рассказывала о жизни в великорусской деревне, на чудесном, лесистом берегу одной из больших судоходных рек, в живописной усадьбе вельможи-дедушки, служившего ещё Матушке-Царице². На зиму дедушка со всеми домочадцами переезжал в город. И это была своего рода жизнь в усадьбе, только меньших размеров. Обыкновенное число всех живущих в доме было свыше 40, в праздничные же дни превышало 60.

Как-то, на Рождество, приехала из Петербурга погостить красавица *графиня Ольга Ржевская³, двоюродная сестра дедушки. Она уже не была молода, но очень ещё хороша собой и, что лучше всего, была чрезвычайно приветлива. Насмотревшись на тяжёлую долю своей племянницы, она сейчас же написала об этом её отцу.

чесать волосы девочки (они вились у неё густыми локонами); почему девочка в саду, а не дома; почему дома, а не на воздухе; почему со стола пропал червонец? То и дело слышался крик: «Засеку». Действительно, била и секла без конца. Червонец нашёлся через год, когда перестилали пол в комнате тётушки: он, видимо, закатился в щель. Дом велик, истязаний не видно и не слышно, никто из слуг не смеет доложить деду. Подробности были так ужасны, что Мамá, вспоминая их через 75 почти лет, вся трепетала от одной мысли о них. Мне же так больно было слушать, что я принимала все меры, чтобы рассказ перешёл скорее на другую тему.

И вот я знакомлюсь с другими лицами: маленькую девочку любил очень её дядя, *Николай Максимович К., зять князя Рокотова, её деда. Дядя – крупное административное лицо в губернии, облегчал, как мог, горькую долю девочки, и хоть немного скрашивал чёрные дни её сиротливого детства. От него не отставали две подвижницы дома: старушка няня и экономка, как и добрейшая мадемуазель Корбо, швейцарка-гувернантка, к сожалению, скоро покинувшая дом по случаю своего замужества.

Предо мною проходит вся родня, и более знатные, и победней, вся прислуга, по рангам: вот приказчик Клим, со всеми своими особенностями, вот и старик дворецкий, вот и карлы и карлицы, уже доживающие свой век. Вижу мастериц, ткачих, кружевниц и всяких других специалистов и специалистов.

¹ Двоюродная бабушка.

² Императрица Екатерина II.

³ Польский дворянский род *Ржевских* впервые упоминается в документах в сер. XVI в., в роду известны старосты, воеводы, офицеры и епископы. Со временем фамилия стала писаться *Ржевуцкие*.

Наконец, явились и родители. Не было конца счастьем девочки: она предчувствовала своё освобождение. Действительно, хоть ей и неизвестно было, что говорили между собою взрослые, но одно ей было ясно: её увозят в Хорошево. Вскоре оттуда обожаемый ею отец повез её в Киевский институт, где ей предстояло пробыть, по тогдашним правилам, безвыездно целых восемь лет.

Новые картины рисуются предо мною:

Вот «Мамán», величавая начальница, старинная бабыня, с важными приемами, очень строгая, но добрая и справедливая.

«Фельдфебель, подай розог», – эта угроза часто слышится из её уст, но, конечно, никогда не осуществляется. Верно, и она-то, бедная, повторяла её лишь потому, что в далеком прошлом приходилось слышать этот выкрик, может быть, не один раз.

Нашей новенькой институтке всего десять лет. С уже потрясённым здоровьем вошла она в новую жизнь и потому чувствует себя неважно. Вскоре её помещают в лазарет. Когда она приходит в себя и ей становится лучше, она силится разобрать смысл надписи над своим изголовьем: «Фебрис нервоза»¹, и никак не может понять её значения. Ласковая няня рассказывает про её болезнь и выздоровление, которое, как видно, наконец, послал ей Господь. Она всё же так слаба, что ещё не имеет сил, чтобы встать.

Между тем, в лазарете движение, чувствуется радостный подъем. С маневров приезжает изумительный красавец. Ему все делают реверанс, называют «Величеством»². Он ласков и обворожителен, прямо идёт к больной девочке, садится на кровать и, улыбаясь, говорит: «Покажи мне язык».

Со страху она показывает только кончик. Начальница и доктор тут же, и недовольны этим. Девочка вытягивает всё, что может, – все смеются. Красавец же, с косою чертою загара на лбу, гладит ребёнка по голове, читает надпись и идёт дальше. Девочке никогда уже не забыть ни этого несравненного величия, ни этой исключительной красоты. Только «Мамán», хоть и старушка, одна лишь может сравниться с ним по величавой манере. Государь, в палате же, прощается с нею, благодарит и целует руку.

– Рада я, Государь мой батюшка, что тебе наши порядки понравились, – помнила девочка на всю жизнь важный и степенный ответ начальницы.

Это происходило в 1850 году, когда начальнице *Ниловой³ было за 76 лет. Недолго прожила она после этого радостного посещения.

Ей на смену была назначена *Голубцова, рождённая *графиня Толстая. Пошли иные порядки и иные веяния. Новая начальница была утончённого воспитания, с её уст простых слов никогда не

«Отец Прасковьи Васильевны»: Александр Константинович Леонтович

¹ *Febris nervosa* – лат. букв. нервная лихорадка, колебания температуры тела, связанное с потрясенным состоянием нервов. Синдром проявляется помрачением сознания

² Император Николай I.

³ «Первою руководительницею по воспитательной части в Киевском Институте была жена действительного статского советника П.М. Нилова, назначенная начальницею этого заведения при самом его открытии: Прасковья Михайловна Нилова, урожденная Бакунина, руководила Институтом 13 лет, с 1838 по 1851 год. Любимая племянница певца Екатерининских времен – Державина, она была воспитана и провела молодость среди преданий той замечательной эпохи, когда основатель наших женских учебных заведений, известный Бецкой, положил их целью – стремление создать «новую породу людей», которыми надеялся перевоспитать прежнее общество и воспитать в новом духе грядущее поколение. П.М. Нилова строго держалась этой системы и по закону, и по личному убеждению. Принимая ребенка в Институт, Прасковья Михайловна старалась создать для него мать в себе – и находила для этого верное средство в своей одаренной истинно материнскою добротою душе». *Захарченко М.М.* История Киевского Института Благородных Девиц 1838–1888. Киев, 1889.

См. <https://duchessselisa.livejournal.com/174544.html>

Начальницы Киевского института благородных девиц:
П.М. Нилова и Е.Д. Голубцова

срывалось, да и по-русски она говорила далеко не так, как её предшественница. Институтки утверждали, что, когда начальница говорила по-французски, то она очень умна, а когда по-русски, то менее. Время, однако, доказало её питомицам, что Голубцова была не только образцом светской дамы, но и добрая и чуткая¹ «Maman»².

Летят годы, наступает Крымская война, приходит весть о смерти красавца-Государя³; кругом слёзы и плач, особенно тех, кто лично знал его.

Опять летит время. Я знакомлюсь со всеми преподавателями и классными дамами, со всеми красавицами-институтками того времени. Я знаю темы сочинений, кто и как успевал в них. Приближается выпуск. Бедная девочка так уже сроднилась и полюбила новую семью, что детские годы, проведённые у деда и расстроившие её здоровье, кажутся, в сравнении с институтской жизнью, страшным сном. Господь наградил её чудным слухом и бархатным голосом. Я знакомлюсь с преподавателем пения, мосье Роллином, который к выпуску разучивает с ученицей арию пажа из «Гугенот»⁴, и другую из: «Гацца-Ладра» (Сорока-воровка)⁵. Он все повторяет: «Il est vrai qu'il ne faut pas être coquette, pourtant il le faut un tout petit peu, mademoiselle Pauline»⁶.

¹ Ср. «П.М. Нилову сменила вдова генерал-майора Е.Д. Голубцова, назначенная Начальницею Института по высочайшему повелению от 25 июля 1851 года и занимавшая эту должность до последних дней своей жизни, т. е. до начала 1871 года. Екатерина Дмитриевна Голубцова, урожденная графиня Толстая, принадлежала по роду и образованию к высшему кругу нашего общества Александровской эпохи. По роду же и воспитанию она не была призвана к этой трудной обязанности, которую исполняла 20 последних лет жизни. Не школа, но горький жизненный опыт приготвил эту женщину к вполне достойному выполнению священных обязанностей воспитательницы. Систематического образования она не получила, и никогда притязаний на всезнайство не объявляла, но за то у нее было сердце, истинно любящее, материнское сердце, которое заменяло ей подчас недостаток познаний». Там же.

² Начальница привилегированного женского закрытого учебного заведения в Российском государстве до 1917.

³ Крымская война (1853–1856) закончилась подписанием в марте 1856 г. Парижского мирного договора, по которому России было запрещено держать военный флот на Черном море. Потрясенный неудачами в войне, Император Николай I умер 18 февраля 1855 г. Прощаясь с семьей и старшим сыном Александром Николаевичем, он сказал: «Мне хотелось, приняв на себя все трудное, все тяжелое, оставить тебе царство мирное, устроенное и счастливое. Провидение судило иначе. Теперь иду молиться за Россию и за вас. После России я вас люблю более всего на свете. Служи России».

⁴ *Гугеноты* (фр. Les Huguenots) опера немецко-французского композитора Джакомо Мейербера по мотивам романа Проспера Мериме «Хроника царствования Карла IX».

⁵ Опера итальянского композитора Джоакино Россини.

⁶ Правда, не нужно быть кокетливой, мадемуазель Полин, а всё же нужно ею быть немного [прим. автора].

Мать «Прасковьи Васильевны»: Ольга Ивановна Леонтович, ур. княжна Кропоткина

Князь Илларион Илларионович Васильчиков

Девушка, почти дитя, плохо понимает значение этих слов, пока ей не приходится участвовать солисткой на выпускном институтском вечере. Генерал-губернатор, князь *Васильчиков¹, вся высшая администрация, нобили города и родители воспитанниц налицо. Горят огни, шумит ульем большой институтский зал. Горят лица и глаза юных артисток. Начинается акт. Всё стихает. Чередуются чтение официальных отчётов, краткие речи, раздача шифров, медалей, наград и аттестатов. Молодая солистка, блестяще учившаяся словесным наукам, всегда была слаба по математике и потому неграждается лишь книгою с гравюрами.

Но она не занята книгой. Она поглощена ожидаемым выступлением. Наступает самая интересная часть вечера – дивертисмент. Слышатся прелестные арии из «Гугенот» и «Сороки-Воровки». Очаровательно звучит голос нашей солистки. Её окружают, восхищаются её талантом. Она начинает понимать советы мосье Роллина, а князь Васильчиков нагибается к её матери, сидящей рядом с ним, и делает комплименты по адресу дочери.

Начинается балет. Все в белом, белокурые головки повязаны голубыми лентами, тёмные же, как наша солистка, – розовыми. В соответствии по цвету – у всех пояса и шарфы. Переливаются, соперничая в грации, милые видения, переплетается белый, голубой и розовый газ. Все молоды, свежи и полны надежд.

Но близится конец фееричному празднику. Гости приглашаются в соседнюю залу, где сервируется чай. За ним следует развезд.

На следующий день наступает прощание с институтом. Сын начальницы приезжает к бабушке и просит руки её дочери. Полин не хочет об этом слышать, и мать не настаивает.

Как ни жаль оставить стены института и любимые лица, но Мамá спешит увидеть отца, мыслями о котором она постоянно жила. Во время дороги ей никак не удаётся добиться подробных сведений о нём у матери. Но вот Полин дома, она вбегает к отцу: он лежит разбитый параличом. Рано начинает нести тягости жизни бедное юное создание. Смерть отца уже не за горами.

Лето в деревне проходит очень печально, и Полин не глядит даже на двух-трёх соседей, что приезжают её сватать: все её помыслы об отце. К осени его везут за границу. Едут в *Оберметовской

¹ Князь Илларион Илларионович Васильчиков (1805–1862) – генерал-лейтенант, генерал-адъютант, киевский генерал-губернатор в 1852–1862 гг., с 1861 член Государственного совета Российской Империи.

Графиня Прасковья Петровна Кутайсова
(ур. Светлейшая княжна Лопухина)

Граф Павел Иванович Кутайсов

карте¹, приспособленной для жизни в дороге. В ней можно даже лежать. Состояние больного, однако, ухудшается. Полин не отходит от отца. Его везут в Мариенбад, а затем в Дрезден на консультацию врачей.

Там живёт старая тётушка, *графиня Кутайсова, рождённая *княгиня Лопухина². Она ласкает свою племянницу и всячески старается её развлечь. Ей идёт восьмой десяток, силы уже многого не позволяют ей. Когда-то она блистала своей красотой и была выдана замуж 15-ти лет, по приказу Государя Павла Петровича. За нею ночью из дворца была прислана карета и она была взята от родителей в чём была, то есть в пудермантеле³, как рассказывала мне о том моя бабушка – её двоюродная сестра. В том же наряде трепещущая девочка и была немедленно обвенчана в дворцовой церкви с любимцем Государя, графом Кутайсовым.

Когда Полин была в Дрездене, то есть в конце 50-х годов прошлого столетия, у графини Кутайсовой были две красавицы-воспитанницы, сёстры *Чулковы, бывшие киевские институтки, чрезвычайно обрадовавшиеся неожиданной встрече со *своей младшей подругой по учебному заведению, где они провели безвыездно столько лет. Было им о чём вспомнить и о чём поговорить...

Впоследствии одна из сестёр вышла замуж за князя Апахидзе и была известна в Петербурге 80-х годов своею *maison de couture*⁴. Действительно, мастерская её была очень хороша и выпускала прекрасные вещи. На смену ей явилась Ламанова⁵, настоящая художница своего дела, одевавшая Государыню Александру Феодоровну и всю петербургскую и московскую знать.

¹ М.б. в *Аберметовской карете*? Вильгельм Яковлевич Абермет, немецкий подданный, Императорский германский вице-консул, инженер, жил в Екатеринославе (в Екатеринославской губернии имение отца Мамá, Хорошево), контора «Абермет Вильгельм Яковлевич» занималась торговлей английскими станками и инструментами, германскими сельскохозяйственными машинами.

² *Светлейшая княжна Прасковья Петровна Лопухина* (в зам. графиня Кутайсова; 1780–1870) – дочь Светлейшего князя Петра Васильевича Лопухина, чья сестра – Вера Васильевна Лопухина – была прабабушкой «Полин», матерью её мамы (Натальи Артамоновны Кожиной).

³ Накидка, надевавшаяся при пудрени лица и головы.

⁴ *Maison de couture* (фр.) – швейная мастерская, Модный дом.

⁵ *Надежда Петровна Ламанова* (1861–1941) – выдающийся художник одежды; «Поставщик Двора Ея Императорского Величества»; её творчество повлияло на коллекции французского модельера Поля Пуаре, в которых впервые появились приметы «русского стиля»; в советское время художник по костюмам МХАТ.

Сестры Чулковы.

Слева: княгиня Апахидзе, основательница Модного дома в Петербурге.

У графини Кутайсовой Полин видит причуды XVIII века, так знакомые ей по воспоминаниям детских лет, проведённых у деда Рокотова: тут и попугаи, и карлы, и масса крепостных людей...

Отцу Полин делается всё хуже, наконец, его везут в Теплиц, где он вскоре же кончает свои дни. Лучшая пора жизни Полин завершилась. Проведя ещё год за границей, мать и дочь возвращаются в Россию. Но не радостно было это обратное путешествие.

Полин рассчитывала по приезде в Россию выйти замуж за молодого русского профессора, которого она встретила за границей, мать же всячески препятствовала этому. Молодой учёный принадлежал к прекрасной помещичьей среде, имел очень хорошие средства и приехал в Мариенбад из Англии, куда ездил, как и в Америку, на съезды по своей специальности. В Мариенбаде состоялось знакомство молодых людей, чему способствовала курортная жизнь, и, в конце концов, они полюбили друг друга глубоким и возвышенным чувством. По отъезде избранника своего сердца Полин начала с ним переписываться, «до востребования». Так продолжалось около двух лет, кроме летних месяцев, когда профессору удавалось приезжать и устраиваться по соседству с Полин, которую он считал своей невестой.

После многих трагических перипетий, Полин, по выбору и по воле матери, была выдана замуж не за профессора, а за соседа-помещика и местного предводителя дворянства. Он с 8 лет был круглой сиротой и воспитывался опекунами. Выйдя из училища гвардейских прапорщиков в один из славных Петровских полков, он прослужил в нём недолго, переехал в деревню, стал заниматься хозяйством, значительно расстроеным опекуном, и начал служить по выборам. Незадачлива была его жизнь с самого начала: рано лишился он ласки и любви родителей, ничто в жизни ему не удавалось, несмотря на всеми признанные выдающиеся ум и красоту.

Спустя много лет у них родилась дочь Наташа, которая одна только скрашивала потёмки жизни своей матери.

В таких рассказах проходили наши вечера.

Мы обе в это время уже лежали; тихо, гармонично раздавались звуки голоса Мамá, и в старые годы сохранившего свои прелестные модуляции. Слушая мою мать, я лишь старалась направлять её рассказы в спокойное русло и избавить её от волнующих и тяжёлых воспоминаний. Как памятно мне её слова:

*Дмитрий Иванович Калиновский,
муж «Прасковыи Васильевны»:*

*Ольги Александровны Леонтович и отец
автора романа «Наташи Артамоновны»:
княгини Веры Дмитриевны Лобановой-
Ростовской*

возражения, Наташа, но для меня они неубедительны. Я всё видела, всё испытала; всё для меня понятно, все душевные изгибы мне ясны, тем тягостней мне смотреть, или скорее чувствовать, творящееся кругом. Как устала я жить, Наташа. Да и как не устать: подумай только – при мне расцвела и померкла культура огромной страны. Я видела в детских сальные свечи, на смену им пришли стеариновые. Я танцевала при карсельских лампах¹, видела начало керосинового освещения и электрического, чтобы вновь вернуться к ночнику нянюшек и деревни. Так и в людях произошла перемена. Я видела духовное величие своего народа, видела его безверие, надеюсь – только временное, его разврат и падение. Ничем не могу помочь, никого не могу удержать, и это бессилие горше всего. Тебя только мне будет жаль покинуть, Наташа, так как более преданного человека тебе не удастся иметь на земле. Нельзя больше любить тебя, чем я люблю тебя, моя душка, но Сам Господь будет печься о тебе!

Так-то, в таких тонах и разговорах коротали мы наши вечера. Каково же было мне утром вновь переходить из этого мира в другой, полнейший ему антипод, смотреть подчас на умирающих от голода людей и животных, видеть безобразные картины ужасного быта советской России...

Побег. «Мы едем...»

Мы едем по городу молча – боязнь всё время не оставляет нас. Но сидение из-за плетёных верёвок мягко; солнце светит ярко, воздух, очищенный ливнем, – чудесен. Мамá рада, видно, и тепло, и чему-то, хоть неизвестному, но новому. Погода настолько мягка и тиха, что я расстегиваю под сестринской косынкой ворот моего пальто. Проходит четверть часа; жуткое чувство, видимо, покидает нас.

– Какая погода, Наташа, для нашей поездки. Не удивительно ли это после того, что было в полдень? – проговорила Мамá.

¹ *Карсельских* масляных [прим. автора]. *Карсельская лампа* – дорогая фарфоровая ваза на бронзовой подставке; масло поднимается в горелку при посредстве насоса, приводимого в действие часовым механизмом; в 1800 году изобрел швейцарский мастер Карсель.

– Подумай, Наташа, какие тогда отсталые были времена: ведь покойная мать, твоя бабушка, была глубоко убеждена, несмотря на свой ум, что профессура – занятие, недостойное для дворянина. По-видимому, она подводила под одно понятие сельского учителя и профессора университета: «Все эти люди, – говорила она, – не для нас, и не быть моей дочери в таком супружестве».

Но вот голос Мамá сделался необычайно задушевым:

– Береги, Наташа, моя душка, миниатюру моего покойного отца и локоны его волос; я отрезала их после его смерти и положила в его обручальное кольцо. Ты найдёшь всё это у меня. (Это означало – «когда меня не будет» – и мне стало так больно, точно нечто острое вонзилось мне в сердце). Как я берегла их всю свою жизнь, так и тебя прошу беречь. Отец мой был лучшим человеком, которого я знала на земле – образец благородства, доброты, красоты и силы. Он гнул подковы и серебряные рубли, но со слабыми обращался особенно бережно и деликатно. Помню каждое его слово и каждый его совет. Он был редкий отец, муж и сын. Его можно было назвать образцом мужчины во всех отношениях.

Особенно много и часто говорила Мамá о приближающейся собственной смерти:

– Не боюсь я смерти, Наташа. Верю в безграничное, всепобеждающее милосердие Божие. Жду отхода моего с радостью, как избавления от земного существования, в котором не могу приносить больше пользы. Знаю твои

– Да, и я в себя прийти не могу. Хотя уже во время молебна, когда читали: «Да не смущается сердце ваше, веруйте в Бога и в Мя веруйте»¹, – сразу охватила меня надежда на помощь Божию, – ответила я.

– Да, моя душка, но самое тяжёлое не позади, а впереди нас. Сегодня ночью...

В лодке

Но Филиппа и Савку ничто не могло остановить, и со всё возрастающей быстротой они влекли Мамá к берегу. Вот они у лодки, хватают Мамá, сажают на скамью, кричат мне: «Прыгайте!», напирают на лодку, сталкивают её в воду и вскакивают в неё сами. Савка с шестом становится на корму и ловко отчаливает. Филипп сидит у вёсел напротив меня и гребёт. В два-три удара мы уже далеко от берега. Мамá сидит очень высоко на носу, ко мне лицом. Между нами Филипп. Она одна. Боже, как бы не упала. Но она дочь моряка и отважного командира. Кровь говорит в ней, и она держит себя героем, в 81 год сидит прямо, как тростинка, хотя лодку и бросает из стороны в сторону. Волна очень сильна и лодка протекает. Я сижу в её центре, и мне это очень чувствительно. Около меня громадный ком сетей с кое-где ещё застрявшей рыбёшкой... Долго шли мы таким образом; наконец показали первые камыши...

– У меня ноги перекручены. Я сижу, как меня посадили. Тяжело мне. Помогите мне встать на минуту, да поправить их. Я сама двинуться не могу. Что-то мешает, – проговорила Мамá, не решавшаяся долгое время никого беспокоить.

– Бабушка, потерпите маленько, теперь до румынских вод недалеко: боюсь погони на парусах. Я сам на веслах умаялся. Нутренность мою так и палит.

– Мамá, посмотри, как это красиво, – постаралась я отвлечь внимание дорогой старушки, указывая на огромное зарево направо в камышах. По своей яркости оно было доступно зрению Мамá... мы скоро увидели зажжённые на берегу костры и возле них натянутые на шесты сети. Двигавшиеся перед ними люди казались какими-то чёрными, сверхъестественными силуэтами на багрово-красном фоне огня. Картина казалась страшной и зловещей, точно изображение ада, но была полна эффекта, красочности и невольно притягивала внимание зрителя. Мой мозг тем временем сверлила мысль, как бы переложить ноги Мамá...

– Парус, парус! Ниже голову, Наталья Артамоновна, – вдруг послышался встревоженный голос Филиппа.

– Ноги мои, ноги! Наташа, помоги, голубка! – молит Мамá.

Она не слышит, что говорит мне Филипп, и не видит опасности. Я же не могу остановить работы вёсел и ей помочь. Её силуэт, к счастью, не виден за спиной Филиппа.

– Сейчас, сейчас помогу, ещё потерпи минуту, дорогая.

– Тише, держите голову ниже, чтобы не видно было, что тут женщины, – с отчаянием в голосе просит Филипп. Он спешно достаёт револьвер и кладёт его рядом с собой на скамью.

– Наташа, я боюсь, мне делается дурно от боли. Мне сводит судорогой ноги. Наташа, ради Бога, помоги, – стонет Мамá.

Господи, вызволи, Господи, спаси! Ещё усилие, ещё несколько последних страшных минут. Филипп уже выбивается из последних сил. Ещё несколько ударов вёсел, и мы входим в румынские воды. Рыбаки снимают шапки и крестятся...

*«Наташа», «Наталья Артамоновна»:
Вера Калиновская (в замужестве
Лобанова-Ростовская) в возрасте 2-х лет.
18 августа 1873 г.*

¹ Ин. 14, 1.

На другом берегу

– Поздравляем, сестрица, мы спасены. Бабушка, вот Вам и берег! – облегченно вздыхая, говорит Филипп...

Лодка наша упёрлась в песок. Самостоятельно встать Матá не могла. Ноги её были скручены среди каких-то наваленных шестов и канатов. На руках снесли мы её на берег и посадили на кочку. Ноги её настолько онемели, что она едва их чувствовала. Надо было только удивляться терпению, с коим выносила она около трёх часов такую муку.

Матá обнимает меня, и сколько тихой радости было в пожатии её руки, и сколько тепла в словах, обращенных к рыбакам:

– Ну, спасибо вам, Филипп и Савка. Вы нас спасли. Я никогда не забуду, как вы работали эту ночь.

В эмиграции

...меня ошеломил Никита, невольно приковав всё моё внимание своим замученным видом: его контуженная голова причиняла ему порой нестерпимые муки, доводившие его до потери сознания, его нервная система был потрясена. Я его не узнавала. Что с ним стало? После невероятных трудностей эвакуации он проживал сначала в Константинополе, в этом человеческом водовороте, а затем в столицах Запада, с их шумом и суетой в то время, как ему были нужны санатории и особый режим, но это мы поняли только впоследствии...

«И сколько ещё жертв дала эта бойня белых и красных!»

Для замученной души Никиты требовалось водительство и окормление особого свойства. Три года он провёл в кровавой бане, многократно был ранен, находился несколько раз в плену у большевиков, столько же раз стоял у «стенки» и, хотя каждый раз и бывал чудесно спасаем, но потрясения всё же не избежал. Болел он и сыпным тифом; ещё не долеченный пошёл в бой, страдал последствием отмороженных ног после того, как красные гнали его без сапог на расстрел по снегу, когда, уже падая от изнеможения, он был отбит подоспевшим отрядом белых. И опять кровь, кровь и кровь! Вот какой сплошной мукой была жизнь моего сына в возрасте от 19 до 22 лет. Результатом всего этого был припадок бурного умоисступления и гибель Никиты в августе 1921 года.

Мы с мужем потеряли второго сына¹. Что я вынесла, знает Один Господь Бог, допустивший этот страшный удар. И сколько ещё жертв дала эта бойня белых и красных. Одни погибали вскоре же после Никиты, другие протомились дольше, а многие томятся и по сей день, измученные туберкулезом, неврастением, полной инвалидностью и прочими недугами.

Число этих страстотерпцев нам не перечь...

«Что вы молитесь о нём? Это он молится о вас»

Приближалась первая годовщина со смерти Никиты. Как я ни молила Господа, но мне ничего не было открыто о судьбе его. Тогда я обратилась к моему небесному заступнику, Батюшке Серафиму Саровскому, надеясь опять получить от него утешение, как это было уже в 1904 году². Я умоляла Преподобного тем или иным путём открыть мне о загробной участи сына. Отправляясь к обедне, я зашла к Матá.

– Я помню, Наташа, сегодня первая годовщина по Никите, и ты идёшь в церковь, – сказала она. – Я тоже помолюсь о нём, сидя у себя. Господь не взыщет за это с меня, я так стала слаба. Христос с тобой, моя дорогая.

Когда я вернулась, Матá заметила:

¹ Не выдержав непереносимой головной боли, застрелился в Булонском лесу под Парижем. См. Лобанов-Ростовский Н.Д. Эпоха. Судьба. Коллекция. М., Русский путь, 2010, с. 383.

² Речь идет о смерти маленького сына Бориса, мучениях матери и обращении к святому.

– Теперь мы все будем вместе. Пойдём в столовую. Но, когда у тебя будет свободная минутка, Наташа, зайди ко мне: мне нужно тебе лично что-то сказать.

Приблизительно через час мы остались одни с Мамá в её комнате.

– Послушай, Наташа, – заговорила она, – какой странный случай был сегодня со мною: все ушли, а я стала молиться о Никите. Так прошло некоторое время. Вдруг я почувствовала что-то необыкновенное в сердце: точно оно силилось мне сказать что-то. Я мгновенно перестала молиться и вся обратилась в слух. В сердце моём послышался тихий, отчётливый голос: «Что вы молитесь о нём? Это он молится о вас». Затем всё стихло. Что бы это значило, Наташа? Никогда ничего подобного со мною раньше не было.

– Как я счастлива, Мамá. Мне трудно даже выразить тебе это словами. Нам с тобою оказана величайшая милость. По моей просьбе Батюшка Преподобный Серафим умолил Господа открыть нам о загробной участи Никиты – он получил дерзновение молиться о нас. Значит, Господь внимает его мольбам. Значит, он спасён! Подумай только, Мамá, об этом непостижимом

милосердия Божиим! А ты за свою чистоту, смирение и кротость получила свыше подаяние Духа Святого в сердце твоё. Теперь тебе должно быть понятным, что обозначает выражение – «самодействующая сердечная молитва», о которой аскеты, ведя страшную внутреннюю борьбу с собою, молят Господа и которая открывается в них после стольких трудов. А как только откроется молитва, утихают и страсти человека, он начинает всех любить, по примеру Господа, Который *дождит на добрых и злых*¹. Он облачается в белые ризы непорочности и уподобляется человеку в раю. Тогда повинуются ему дикие животные. Он созерцает видимый и невидимый миры, постигает тайны мироздания, получает видение и разумение прошедшего, настоящего и будущего, и потому уже здесь, на земле, начинает жить, как на небе. Таков был Преподобный Серафим Саровский, Сергей Радонежский, Преподобный Иоанн Рыльский чудотворец² и сонм святых, блистающих в Небесной Церкви. Теперь тебе немного приоткрылось значение таких выражений Священного Писания, как например: *Даждь ми твое сердце*³, *Обручение духа в сердцах наших*⁴ и многих других, говорящих об особенном значении сердца в высочайшей области общения Бога с человеком. Всё это подробно разъяснено и разработано в «Добротолубии», сборнике аскетических поучений V – XIII веков, который, вместе с тем, служит пояснением к таинственному пониманию Библии, имеющей прямое значение для обыкновенных людей и сокровенное – для ищущих высшего.

Я умолкла: я боялась, что утомила Мамá. Нет, она вся обратилась в слух. По дороговому лицу её текли слёзы. Она молча обняла и поцеловала меня...

«Никита»: князь Никита Иванович
Лобанов-Ростовский

¹ Ср.: Мф. 5, 45: *Он повелевает Солнцу Своему восходить над добрыми и злыми и посылает дождь (дождит) на праведных и неправедных.*

² Упоминание прп. Иоанна Рыльского († 946) наряду с великими русскими святыми неслучайно. После побега из России семья Лобановых-Ростовских поселилась в Болгарии, в Софии. Поэтому, конечно, прп. Иоанн Рыльский, уроженец болгарского селения Скрина близ города Средца (ныне София), основавший монастырь в болгарской Рыльской пустыни (крупнейший на сегодняшний день в Болгарии, центр духовной жизни), был особо почитаем в семье.

³ Притч. 23, 26.

⁴ Ср.: 2 Кор. 1, 22.

Серебряная монетка на память. Светлая кончина Мамá

Наступил последний год земной жизни моей матери. Она видимо начала слабеть. С приближением своего переселения в вечность, у неё открылся дар прозрения: стоило ей невзначай высказать какое-либо предположение, суждение или определение, как всё вскоре же неукоснительно исполнялось. Потому-то мне особенно было дорого её сообщение об усопшем внуке, и вполне было понятно, почему оно было получено ею, а не кем-либо другим.

Подошёл и Рождественский сочельник, зажгли мы маленькую ёлку, положили у дерева свои подарки. Вот подошла ко мне Мамá и, передав замшевый кошелёк, как-то тихо, проникновенно, слышимо только мне одной, произнесла:

– Тут мой полтинник, Наташа, он мне больше не нужен. Возьми его на память.

Эта редкая серебряная монета в 50 копеек, чеканки 1839 года, то есть года рождения Мамá, была дана ей моим дедом, её отцом, на память. Когда случалось Мамá показывать мне этот полтинник, она говорила, что сохранит его всю жизнь, а перед смертью передаст его мне.

Мгновенно вспомнив всё это, я стала тихо и незаметно для всех отстранять кошелёк, но мать ещё настойчивее мне повторила:

– Теперь он твой, Наташа, он мне больше не нужен.

Серьёзность тона исключала возможность какого-либо противоречия. Я уступила. Всё это было особенно трагично тем, что, сообщая иносказательно о своём близком конце, Мамá была ещё на ногах и принимала участие в общей жизни семьи.

Через три недели она действительно слегла, чтобы больше не подняться, и последние 10 дней своей жизни провела в полном сознании. К матери была приглашена сестра милосердия из бывших фельдшерниц, не молодая, но очень деятельная женщина, соединявшая огромный опыт с удивительной сердечностью. Своей добротой и распорядительностью она облегчила мне эти тяжёлые дни. Мамá совсем лишилась сна, только изредка и на короткое время погружалась в дремоту. Её часто мучила мысль, что сестрица утомлена, и потому она каждый день уговаривала её пойти отдохнуть, а однажды, не зная уже, как выразить свою благодарность за уход и простить за беспокойство, поцеловала её руку. Сестра вся затрепетала, глаза её наполнились слезами, она прильнула к ногам матери. А потом мне сказала:

– Никогда я не встречала такой кротости, доброты и терпения, а также такого отношения к людям, как у Прасковьи Васильевны. Легко ей будет предстать пред Господом. Не печальтесь о ней: она уже совсем готова и дольше пяти дней нам не удержать её. Как я Вам благодарна, что Вы меня позвали. Я увижу, как отходят праведницы, а то на моём веку много я наслышалась в таких случаях криков нетерпения и даже озлобления.

Как-то в один из этих дней на меня нашла такая грусть, что я не выдержала, заплакала и припала к руке Мамá. Она стала гладить меня по голове и сказала:

– Не плачь, Наташа, там я буду ближе к тебе, чем здесь. Теперь земля и земное нас разделяет, а тогда я буду всегда с тобой, буду молиться о тебе. В память обо мне читай почаще молитву Ефрема Сирина: «Господи, Владыко живота моего» – я особенно люблю её и читала всю мою жизнь.

За три дня до смерти я видела сияние глаз Мамá в последний раз, когда она, вся просветлённая и с радостной улыбкой, говорила доктору, сидя у себя в кровати:

– Не уверяйте, дорогой доктор, что мне лучше, что я поправлюсь; этого требуют Ваши правила. Я же знаю, что это начало конца. Я его ожидаю, и я счастлива, что ухожу, что могу ещё поблагодарить Вас за Ваши заботы обо мне.

Когда же я осталась одна с доктором и стала упрашивать его сделать всё возможное, чтобы отдалить конец, он мне заметил:

– Очень сожалею, но ничем не могу больше помочь Прасковье Васильевне: дыхательные центры её не могут служить более двух-трёх дней. Ведь ей пошёл 86-й год, она очень слаба, и жизнь её похожа уже на еле струящийся ручеёк. Достаточно малейшей причины, чтобы он остановился.

Бесконечно горько было всё это слушать. Дыхание Мамá по ночам было затруднено, и мы стали давать ей кислород, но днём она опять оживала и даже, чтобы развлечь сестру, родом южанку, потихоньку напевала ей малороссийские песни: «Був Грицько мудрий, родом з Колонии», «Виють витры, виють буйны» и многие другие.

Всё это указывало, с каким спокойствием, с какой ясностью души Мамá уходила от нас. Вместе с тем, лет 20 до того, когда матери моей не было более 65 лет, она мне говаривала:

– Je ne crains pas la mort, je crains le saut dans l’au-de-là¹.

Но теперь и этого совершенно не замечалось, и брненное тело её настолько утончилось, что дух победил его всецело. В последнее время я часто слыхала от Мамá следующие мысли:

– Надо так жить, чтобы не бояться умереть. Как я благодарю Бога, что меня обижали люди, а не я их. Каково уходить с этим сознанием! Люди ненавидят друг друга, клеветуют и обманывают, а затем, пред смертью, зовут: «Скорее, скорее священника, не упустить бы...» Да разве покаяние под страхом конца и расплаты может осушить слёзы обиженных и пострадавших? Господь – сама Любовь и Судья нелицеприятный, и: *каждый* получит по делам его².

В течение своих последних десяти дней Мамá приобщалась два раза, а также соборовалась. В день её кончины меня неудержимо потянуло в храм помолиться о ней, а также исповедоваться и приобщиться, чтобы в большей чистоте присутствовать при её отходе. Несколько успокоенная, я вернулась от ранней обедни домой к 9 часам утра.

– Что, как Мамá? – был, разумеется, первый мой вопрос.

– Всё о Вас Прасковья Васильевна спрашивала и беспокоилась, – ответила мне сестра.

– Ты вернулась, Наташа, как я рада; всё тебя поджидаю; без тебя я уйти не могу, – уже слабеющим голосом сказала мне Мамá.

Днём она простилась со всеми, благословила внуков, а за полчаса до смерти, когда говорить уже не могла, всё ещё пожимала мне руку.

В шестом часу вечера, окружённая семьёй, Мамá отошла ко Господу так тихо, что горевшая в её руках свеча не дрогнула. Случилось это в день памяти Преподобного Ефрема Сирина³.

В сиянии света

Бессонные ночи, утомление последних дней и напряжение нервов были настолько сильны, что после кончины Мамá я пошла к себе, чтобы хоть несколько минут провести в одиночестве.

Перед моим мысленным взором всё стояла моя покойная мать, друг всей моей жизни.

Прошло некоторое время. Внезапно мой мозг пронизала мысль, пришедшая извне: «Десять лет тебе будет очень тяжело, а потом исполнится то, что ты давно ожидаешь».

Мамá знала, что, действительно, я с верой ожидала исполнения того видения 1904 года, о котором так часто говорила ей, да и сама думала о нём непрестанно, особенно после смерти Никиты. Знала я также по опыту, что пронзившая меня мысль, пришедшая извне, непреложна, и осуществление её наступит в означенное время неукоснительно.

Прошло с полчаса. Я вернулась к Мамá. Её одевали последним земным одеянием во всё то, что было на ней в день свадьбы Ксении, как она этого сама пожелала. Лицо дорогой усопшей носило ещё на себе следы борьбы брненного тела со смертью.

После панихиды я осталась с Мамá до часу ночи; дольше не хватило сил. Тихо раздавалось чтение Псалтири, когда я уходила к себе.

В 7 часов утра я опять была на ногах и опять пришла к усопшей. Но что вижу: предо мной лежит молодая красавица с крепко сжатыми губами. Прелестный овал точно мраморного лица приковывает взор выражением неземного умиления. Мамá знала мою невольную слабость к красоте и форме и точно хотела меня утешить тем и другим. Шли панихиды. Мы с сестрой лили тихие слёзы. На другой день, вечером, Мамá навсегда покинула наш дом. Её перевезли в храм, где служили по ней парастас⁴.

Наступил день похорон. Несмотря на конец января, солнце блестело и грело совершенно по-весеннему. Ввиду праздничного дня храм был полон молящимися. Нерусские прихожане, не знав-

¹ Я не боюсь смерти, но лишь физической стороны ее [*прим. автора*]. – *Буквально*: Я не боюсь смерти, боюсь прыжка туда.

² Ср.: Рим. 2, 6; Откр. 2, 23.

³ Память прп. Ефрема Сирина († 373–379) празднуется 28 января / 10 февраля.

⁴ *Парастас*, или Великая панихида (*греч.* «ходатайство») – заупокойная всенощная; более полное заупокойное богослужение в отличие от панихиды, которая есть сокращенный парастас.

шие меня, смотрели на покойную – с прелестным лицом, убранную белыми кружевами и подснежниками; многие из них выражали сочувствие мне, пожилой матери, провожающей в последний путь свою молодую дочь. Я никого не разубеждала, я слишком была поражена всем этим. Удивил внешний вид моей матери и обоих здравствующих и поныне священнослужителей, и весь клир. В тяжёлые моменты прощания с усопшей, опускания гроба и возвращения в опустевший дом, сестра милосердия была глубоко трогательна и значительно поддержала меня. Она же осталась со мной и на весь сорокоуст, исключительно по доброте своего сердца.

На другой день после похорон, по окончании заупокойной Литургии, ко мне подошла древняя нерусская монахиня, прислуживавшая в храме, и рассказала на своём языке следующее:

– Вечером после парастаса, когда все уже разошлись, я помолилась у гроба Вашей покойницы, потушила свечи, поправила лампы, обошла церковь, заперла её и пошла к себе в сторожку. Вскоре я стала перед киотом на вечернее правило и начала молиться. Прошло немного времени. Вдруг замечаю: мои образа и комната исчезают, а я опять стою перед гробом. В нём лежит Ваша покойная мать с огромной свечой в руках, пламя которой высоко поднимается к небу. Долго смотрела я на эту картину. Затем, так же неожиданно, как появилась, так она и растаяла, а я вновь увидела себя пред киотом, у себя в комнате. Не случалось со мной раньше таких видений, и я поняла, что мне была открыта небесная участь рабы Божией, горевшей всё время своей земной жизни свечью пред Господом. Вам нечего беспокоиться об её участи: она жила и умерла праведницей. Дай, Милосердный Боже, и нам удостоиться того же.

Так закончила свой рассказ набожная старушка.

Она жива и до сих пор¹, согнулась почти до земли под бременем лет, но хорошо помнит ещё своё видение и каждый раз, когда видит меня, вспоминает о нём.

В довершение всех знаменательных случаев, связанных с отшествием моей матери, не могу не упомянуть и о том, что было со мною. В течение последней половины моей жизни я с ужасом помышляла о неминуемой разлуке с Мамá и содрогалась уже только при мысли об этом. Но вот она скончалась. Её похоронили. Её уже нет в доме, где она столько лет была духовным стержнем, поддерживающим своим примером всю семью, а всё же жгучей скорби у меня не было. Наоборот, кто-то точно вырвал скорбь из моего сердца. После первых дней печали мне точно сделалось стыдно грустить о Мамá, зная, что она отошла в сияние света.

Моя мать была удивительным соединением чистоты, любви, кротости, большой культурности, стойкости и твёрдости в своих нравственных идеалах, вместе с редким мужеством и терпением в несении жизненных испытаний.

Итак, и старца не стало, и Мамá отошла ко Господу. Теперь бабушкой сделалась я сама, а образец того, кем она должна быть, стоял, как живой, пред моими глазами. Стоило только брать с неё пример и стараться следовать ей во всём.

Не успел закончиться сорокоуст, как я уже почувствовала тяжесть надвигающихся испытаний, так красочно изображённых видением 1904 года, а потому и не требующих много пояснений. Отмечу лишь то, что блистательный белый цвет второй и третьей виденной мною картины означает не чистоту поступков или непорочность отдельных лиц, а лишь место, где должны были протекать события и где признаются идеалом основы христианской морали.

¹ † в 1938 г. Отпевание было особенно торжественно в присутствии нескольких иерархов, отметивших праведность усопшей [прим. автора].